АНДРЕЙ СТАРОВОЙТОВ

ТУНГА

ГОРОД ЖИВЫХ

Если слышишь смех – беги.

КНИГА ПЕРВАЯ

Андрей Старовойтов

Тунга. Город живых

«Автор»
2026

Старовойтов А. А.

Тунга. Город живых / А. А. Старовойтов — «Автор», 2026

Четыре года назад мир изменился. Люди превратились в безумных существ, которых прозвали психами. Но теперь они не просто бродят толпами — они учатся охотиться и устраивать засады.За стенами Города живых уцелевшие пытаются сохранить остатки цивилизации. Однако привычный порядок рушится: караваны попадают в ловушки, запасы исчезают, а среди психов появляются те, кто, похоже, способен ими управлять.Тем временем в лесном бункере маленькая Мышка в одиночку борется за жизнь и все еще ждет возвращения отца.Мир хранит слишком много тайн. И, возможно, самое страшное только начинается.

© Старовойтов А. А., 2026
© Автор, 2026

Андрей Старовойтов
Тунга. Город живых

Пролог. Главы с 1 по 5

Книга первая

Пролог. День, когда умер мир

(День X)

Это было обычное утро, на первый взгляд, но в воздухе висело какое-то напряжение. Всё началось накануне: в вечерних выпусках осторожно, по чуть-чуть, начали появляться сюжеты о помешательстве людей. Это не было массовым событием, но роликов становилось всё больше. За ночь это покатилось как снежный ком, и утром у всех для разговора была одна тема. Но, несмотря на всё, что показывали по телевизору, в городе было спокойно, даже очень спокойно. Поэтому мама, как она делала это всегда, отправила их за хлебом.

- Молоко ещё, - крикнула она им уже вдогонку. - И за руку держи, слышишь? За руку!

- Слышу, - Тёма закатил глаза так, чтобы видела Мышка, и буркнул себе под нос. - Будто я не держу.

Ему было двенадцать, и он считал, что водить шестилетнюю сестру за хлебом - ниже его достоинства. Но он водил. И всегда брал за руку на переходе, даже когда мама не видела.

Улица тоже была обычная. Солнце, лужи после вчерашнего дождя, голуби у мусорки. Люди, как всегда, спешили, у всех в руках светились телефоны - ровным голубым светом, как светится всё, где внутри Тунга. Мышке нравился этот свет. Он был спокойный, как ночник.

Они проходили мимо нового рекламного щита, который повесили несколько дней назад. Счастливая семья на диване, у каждого в руках по телефону, а над ними - голубой кристалл, и надпись: «ТУНГА. ЭНЕРГИЯ, КОТОРАЯ ВСЕГДА С ТОБОЙ».

- Смотри, это мы, - Тёма ткнул пальцем в щит. - Только диван хуже.

- А у тебя причёска хуже, - сказала Мышка и засмеялась.

В магазине была очередь. Тётка, постоянно размахивая руками и рискуя сбить стоявшие на краю прилавка лотки со жвачкой, рассказывала кассирше, повышая голос так, чтобы слышали все:

- В Пятигорске, говорят, вчера прямо на улице… Люди с ума посходили. Кидались друг на друга. Сестра звонила, плачет, боится из дома выйти.

- Опять в телефоне насмотрелась, - кассирша даже не подняла глаз. - Семьдесят два рубля.

- Да говорю тебе…

- Семьдесят два.

Мышка дёрнула брата за рукав.

- Тём. Это правда, что люди с ума сходят?

- Не бойся, - Тёма сунул ей батон, чтобы несла сама, раз такая взрослая. - Это просто слухи, как всегда. В прошлом году, помнишь, про конец света все говорили? И что, наступил?

- Нет.

- Вот-вот.

У дома на остановке стоял молодой мужчина в костюме. Просто стоял и смотрел в телефон. Экран ярко светился, но не ровно, а толчками, как пульс. Мужчина не моргал. Потом поднял голову и посмотрел на детей. Будто следил за движением и не понимал, что видит.

Тёма взял Мышку за руку, хотя никакого перехода тут не было.

Где-то далеко завыла сирена. Потом вторая.

- Учения, - сказал Тёма. Но шаг ускорил.

Когда они вернулись, в окнах было видно, как над крышами поднимался дым. Телевизор, как всегда, работал фоном, но сегодня диктор говорил не о погоде. По телевизору показывали людей, которые бежали по улицам и падали, а потом вставали и снова бежали, но уже как-то по-другому.

- Машка! Выключи это немедленно! - мать влетела в комнату и нажала кнопку на пульте так, будто давила таракана. Экран погас, но звук ещё секунду жил в ушах: крики, сирены, что-то тяжёлое и мокрое.

- Мам, ну я просто смотрела…

- У всех дети как дети, - мать уже не слушала, она заметалась по комнате, хватая вещи и бросая их в сумку. - Куклы, приставки, книжки… А тебе, - она обернулась и ткнула пальцем, - тебе подавай нож для снятия шкуры! С четырёх лет отец таскает тебя по лесам, учит стрелять… Нормальные дети в садик ходят, вон Катькина дочка на фигурное катание записалась, а ты…

Она вдруг замолчала, присела и застегнула на Мышке кофту до самого подбородка. Быстро, как будто это тоже было наказание. И на секунду прижалась губами к её макушке.

- Мам, а что случилось?

Мать замерла, потом выдохнула и продолжила запихивать в сумку банки с тушёнкой.

- Ничего. Собирайся. Отец сказал - собираться. Значит, собираемся.

Отец сказал.

Это были самые важные слова в их доме. Если отец сказал - значит, так надо. Отец никогда не говорил просто так. Отец вообще говорил мало, но когда говорил - хотелось встать по струнке, даже если ты просто сидишь на диване и смотришь телевизор, который только что выключили.

Она пошла в свою комнату и начала собираться. Потому что отец сказал.

Тёма стоял в коридоре со своим телефоном и листал, листал, листал. Лицо у него было белое.

- Тём, это слухи? - шёпотом спросила Мышка.

Он поднял глаза. Хотел что-то сказать, но не сказал. Только убрал телефон в карман - экраном к ноге, будто тот мог на него смотреть.

Отец влетел в квартиру через полчаса. Он был в форме, но форма была какая-то не такая - мятая, с тёмными пятнами, и пахло от него не так, как всегда. Чужой запах. Мышка не побежала к нему, как обычно.

- Быстро, - сказал он, даже не поздоровавшись. - Все взяли? Документы? Еда?

- Собрались, - мать стояла в прихожей с сумкой и смотрела на него так, как никогда на него не смотрела, - испуганно.

- Пап, это же слухи, да? - начал Тёма и осёкся, увидев его лицо.

- Хорошо. Мышка, Тёма, идите сюда.

Отец называл её Мышкой - за маленький рост, курносый нос и вечную вертлявость. Она и правда была похожа: быстрая, тихая, всегда готовая юркнуть в нору.

Они подошли. Отец присел на корточки, взял Мышку за плечи, а Тёму - за руку. Руки у него были тяжёлые, горячие и слегка дрожали. Она никогда раньше не чувствовала, чтобы у отца дрожали руки.

- Слушайте меня внимательно. Вы помните домик? Тот, в лесу, куда мы всё прошлое лето ходили?

- Помним, - хором ответили оба.

- Расскажите, как туда идти.

Они затараторили хором, как учили: Тёма - лениво, глядя в потолок, Мышка - зажмурившись, взахлёб, и уже на просеке обогнала брата:

- От города на восток по трассе, потом свернуть на просеку, там столб с красной тряпкой, потом через овраг, потом мимо трёх берёз, потом всегда идти на солнце: если утро - держать солнце справа, если обед - перед собой, если вечер - держать солнце за спиной. Выйти на дорогу, которая пересекает путь. Если собьюсь, эта дорога подправит. Найти вдоль дороги столб 404 километр: если цифра больше - идти налево, если меньше - направо. От столба 404

всегда прямо, примерно час спокойным шагом. Пап, мы помним, мы же ходили не раз, нам не нужны ориентиры.

- Хорошо, - отец сжал Мышкины плечи сильнее. - Молодцы. Мы идём все вместе, прямо сейчас. Но если что-то случится и мы разделимся - это план Б. Вы бежите туда вдвоём. Не ждёте нас и не оглядываетесь. Тёма, ты держишь её за руку. Всю дорогу. Это твоя работа. - Он посмотрел на Мышку. - А ты помнишь дорогу. Это твоя.

- А вы?

- Мы догоним. Обязательно догоним.

Работа. У неё была работа. Она кивнула серьёзно, как кивала всегда, когда отец давал задание. Тёма тоже кивнул - и, хотя никакого перехода тут не было, взял её за руку.

В дверь позвонили.

Мать стояла у двери с сумкой. Позвонили снова. Теперь звонок не отпускали - он визжал непрерывно, врезаясь в уши, заставляя сердце биться где-то в горле.

- Это опять сосед, - мать говорила, а руки её уже поворачивали внутренний замок. - Пьяный, наверное, опять просит…

- Не открывай! - крикнул отец, но было поздно.

Мать открыла дверь.

Вернее, она не открыла - просто закончила поворот замка, и дверь стала дырой, в которую хлынуло всё сразу. Сосед дядя Коля влетел в прихожую первым, но это был не дядя Коля - у дяди Коли глаза были добрые, и он всегда давал конфеты, а у этого глаза были белые, как у варёной рыбы, и рот был открыт слишком широко.

За ним влетели другие. Дверь открывалась внутрь и с размаху припечатала мать к стене.

Отец ударил первого, но тот даже не покачнулся. Тогда отец ударил ещё раз, и ещё, и они сцепились в клубок, из которого торчали локти и слышалось рычание.

- В комнату! - закричала мать, но Мышка уже не слышала.

Она стояла в дверях своей комнаты и смотрела, как в прихожую вбегают двое - те, что были за соседом. Они пробежали мимо матери, которая выглядывала из-за двери, - из носа у неё хлынула кровь, но она будто не замечала этого, - пробежали мимо отца и бросились прямо к Мышке.

Тёма оказался между ними раньше, чем она успела закричать. Он не был сильным или храбрым. Он был просто старшим братом, худым, в домашней футболке. Он раскинул руки - так же, как раскидывал на переходе, когда машина ехала слишком быстро.

- Мышка, не бойся! - крикнул он, не оборачиваясь.

Они сбили его с ног и вместе с ним влетели в его комнату. Дверь ударилась о стену и отскочила.

Брат крикнул один раз.

Мать бросилась туда.

Мышка осталась одна в коридоре, прижимаясь спиной к стене, а перед ней дрался отец. Отец дрался с двумя - с соседом и тем, кто влетел следом, - и, кажется, проигрывал. Кровь - она сразу поняла, что это кровь, хотя никогда не видела её так много, - заливала пол, брызгала на стены, пачкала её платье. Вернее, нет, она видела кровь, когда отец учил её разделывать кролика или когда она сама решила разделать белку, правда, так и не решилась рассказать об этом отцу.

Но та кровь была какая-то не такая, она была более красная, что ли. А эта кровь - она чёрная.

Отец вырвался, выхватил пистолет и выстрелил дяде Коле в лицо. Дядя Коля, который всегда давал конфеты, упал - и всё равно засмеялся. На отце повис второй.

Из комнаты Тёмы вышли те двое. Тот, кто перестал двигаться, был им больше не интересен. Один прыгнул на отца. Второго Мышка не увидела.

Кто-то схватил её сзади. Она закричала, забилась, но руки были железные, а зубы - острые. Зубы вошли в руку чуть выше локтя, и боль была такая, что мир на секунду стал белым, а потом чёрным, а потом снова белым.

Она ударила свободной рукой. Попала куда-то в лицо. Псих - а это был псих, она уже поняла, что это псих, хотя никогда их не видела, только сегодня утром, по телевизору, - засмеялся. И отпустил.

Он отпустил, потому что в него выстрелили.

Отец стоял в двух шагах, держа пистолет двумя руками, и стрелял в того, кто её кусал. Псих осел на пол, забулькал, но продолжал смеяться, даже когда захлёбывался кровью. А отец стоял как статуя, на которой лоскутами повисли два психа. Они продолжали его грызть, рвать на части, но отец не обращал внимания, он был сосредоточен на выстрелах и на психе, который напал на Мышку. Резким движением отец ударил пистолетом одного психа в лицо, тот засмеялся и на секунду ослабил хватку; отец в упор выстрелил в подбородок второму и остаток патронов высадил в того, которого только что огрел пистолетом по лицу.

- Мышка, ко мне!

Она подбежала. Отец сменил магазин, передёрнул затвор, схватил её за здоровую руку и потащил к выходу. Дверь в комнату Тёмы была открыта. Там было тихо. Мать лежала на полу лицом вниз, и под ней расползалась тёмная лужа. Тёма лежал у двери, раскинув руки, - так и не опустил их. Он был весь в крови, кто-то другой и не узнал бы его, но это был брат, Мышка знала.

- Не смотри, - отец закрыл ей глаза ладонью - мокрой, тёплой, - но Мышка уже увидела. - Не смотри, слышишь?

На лестничной площадке он сунул ей в руки что-то тяжёлое и холодное. Пистолет. Отцовский ПМ, из которого он учил её стрелять по банкам в лесу. Разбирать его она умела сама, а собрать до конца у неё пока получалось только с папой: пружина была слишком тугой для её пальцев.

- Слушай меня. Сейчас ты пойдёшь к домику. Одна. Бегом. Никуда не сворачивай. Ни с кем не разговаривай. Если кто-то подойдёт - стреляй. Он готов, просто жми. Ты умеешь. Мы догоним. Обязательно догоним. Но ты иди. Иди, Мышка.

Она смотрела на него и видела, как он зажимает ладонью рваную рану сбоку на шее, а кровь всё равно идёт сквозь пальцы. Теперь она поняла, почему его ладонь была мокрой. Почему лицо у него белое, как мел. И что он умирает прямо сейчас, пока говорит с ней.

- Папа…

- Иди. Это твоя работа. Иди.

Она пошла.

Лестницу она не запомнила - ноги сами несли её вниз. Подъездная дверь хлопнула за спиной, и улица ударила в лицо: машины, люди, которые бежали в разные стороны, и те, кто лежал и не шевелился. Мимо щита на углу. Счастливая семья на диване всё так же улыбалась, голубой кристалл всё так же светился, а под щитом, прямо на асфальте, лежал мужчина в костюме, и рядом с его рукой мерцал телефон - толчками, как пульс.

На перекрёстке у школы она остановилась. Сама не поняла почему. Светофор горел красным, и её рука сама потянулась в сторону, туда, где всегда была Тёмина ладонь.

Там было пусто.

Мышка постояла секунду, глядя на свою руку. Потом сжала её в кулак и побежала на красный.

- Девочка! - закричала женщина с балкона второго этажа. - Девочка, ты одна? Иди сюда, иди ко мне, слышишь?

Женщина была в халате, растрёпанная, и махала ей рукой. Голос был добрый. Мышка замедлила шаг. Ни с кем не разговаривай, сказал папа. Но голос был такой добрый…

За спиной у женщины, в тёмной комнате, кто-то засмеялся.

Женщина обернулась. Мышка не стала смотреть, что было дальше. Она бежала и слышала, как смех за спиной становится громче, а крик - тише, и считала про себя шаги, чтобы не слышать ни того, ни другого.

Пистолет тянул руку вниз. Она переложила его в другую, укушенную, и чуть не закричала: рука вспыхнула так, будто в неё воткнули гвоздь. Переложила обратно. Значит, будет тяжело и больно. Это тоже работа. Папа сказал: «Это твоя работа». Значит, надо её сделать правильно.

Она не смотрела по сторонам. Она помнила только маршрут.

На восток по трассе. Трасса стояла: машины с открытыми дверями, гудки, чей-то вой. Мышка бежала по обочине, маленькая, быстрая, и никто её не замечал. Впервые она была рада, что такая маленькая.

Просека. Она чуть не пробежала мимо - с трассы просека казалась просто тёмной щелью в лесу. Но ноги вспомнили раньше головы.

Столб с красной тряпкой. Тряпка висела, как всегда, выгоревшая, почти розовая. Папа всегда касался её на ходу - на удачу. Мышка коснулась тоже. Рука горела огнём там, где её укусили.

Где-то на середине пути, когда лес уже начинал смыкаться над головой, она услышала крики. Это были человеческие крики - злые, испуганные. Она замерла за кустом и выглянула.

Двое парней отбивались от психов. У одного было ружьё, у второго - кусок трубы. Психи кончились не сразу, но кончились, и последний, уже падая, навалился на того, что с ружьём, и вцепился ему в руку. Второй огрел психа трубой по голове, раз, другой, и спихнул с друга.

Укушенный сидел на земле, показывал руку и что-то торопливо объяснял. Рука была в крови, даже отсюда было видно, что укусы очень серьёзные.

- Это просто укус, Лёх! - долетело до неё. - Укус! По телику говорили, через укус не передаётся, они ж не зомби, они просто…

Второй посмотрел на изуродованную руку, потом в лицо тому, кто сидел на земле. Ударил трубой коротко, без замаха. Подобрал ружьё и побежал, ни разу не оглянувшись на друга.

Она сидела в кустах, зажав рот рукой, чтобы не закричать, и ждала, пока всё стихнет. Укус. Она посмотрела на свою руку. Из-под разорванного рукава сочилась кровь. Она вдруг поняла: если её увидят, с ней сделают то же самое.

Когда шаги стихли, она выбралась из кустов и побежала дальше, прижимая укушенную руку к животу, чтобы никто не увидел.

Овраг. Она не спустилась, а скатилась, ободрав колени и локоть, - здоровый, хорошо, что здоровый. Пистолет не выпустила. Папа говорил: оружие не роняют.

Три берёзы. Они стояли, как три сестры, белые в темнеющем лесу, и Мышка на секунду прижалась щекой к средней. Кора была холодная и пахла мокрым деревом.

У трёх берёз ноги вдруг перестали её слушаться. Они дрожали, в боку кололо. Она прислонилась спиной к стволу и посмотрела назад - совсем чуть-чуть, краешком глаза, хотя папа говорил не оглядываться.

Над лесом, там, где был город, стоял дым. Не один столб, а много, и они сливались в одно серое небо. Где-то под этим небом остался их дом. Мама. Тёма. Папа, который сказал «мы догоним».

Мышка отвернулась. Если не смотреть, можно было верить, что догонят.

Она вытерла лицо рукавом, и на рукаве осталось бурое - папина кровь со щеки. Мышка долго смотрела на это пятно. Стирать его она не стала.

Солнце садилось. Вечер - значит, держать солнце за спиной. Её тень бежала впереди, длинная, взрослая, гораздо взрослее, чем она сама. Или это она повзрослела? Ведь у неё теперь была работа.

Дорога. Столб. «401». Меньше - значит, направо. Она считала столбы вслух, шёпотом, как считала ступеньки в подъезде: четыреста два, четыреста три. Четыреста четыре.

От столба 404 - всегда прямо, примерно час спокойным шагом.

Она бежала.

Домик стоял на месте. Такой же, как прошлым летом: старый, покосившийся, с распахнутой дверью и пустыми окнами - будто его давно бросили и обобрали. Папа так и задумал: запертый дом манит, а пустой люди осматривают и уходят. Мышка пробежала мимо. Рядом, в заросшей травой насыпи, несколько бетонных ступенек вели вниз, к стальной двери. Кнопки замка светились ровным голубым светом - тем самым, спокойным, как ночник. Она набрала код - день своего рождения. Папа говорил: это чтобы ты никогда не забыла. Дверь щёлкнула, открылась.

Внутри было темно, сухо и прохладно, и пахло оружейной смазкой - так пахли папины руки, когда он чистил ружьё. Она спустилась вниз, туда, где стояли ящики с едой и водой, где на стене висело ружьё и патронташ, где отец учил её проверять запасы.

Она села в угол, обхватила колени руками и закрыла глаза. Укус ужасно болел, рука пульсировала и горела.

Пистолет лежал на коленях. Тяжёлый, холодный, пахнущий порохом.

За стеной было тихо. Она не знала, сколько прошло времени. Может, минута. Может, час. Может, день.

Она ждала, когда папа, мама и брат постучат в дверь.

Хотя уже понимала: они не постучат…

Часть 1. Город живых

Глава 1. Караван

Четыре года после дня X

Дорога была убитая.

Четыре года назад здесь шла нормальная трасса - две полосы, разметка, отбойники. Теперь асфальт вздыбился, потрескался, порос травой, и машины прыгали на ухабах так, что, казалось, ещё немного - и рассыплются. Но они не рассыпались. Их собирали вручную, по винтикам, из того, что нашли на складах и в брошенных гаражах, и теперь они были крепче, чем с завода.

Караван полз по дороге, как гусеница: впереди багги с пулемётом, за ним пикап с решётками на стёклах, потом тяжёлый «Тигр» с толстой бронёй, далее два грузовика с бойницами, и замыкал колонну ещё один пикап, такой же, как предыдущий. Все машины когда-то были разного цвета, но теперь их объединяли ржавчина, грязь и пулевые отметины. И знак. На каждой двери, на каждом борту - белый трафаретный силуэт навьюченного мула. Этот знак знали все, от Магны до Города живых: груз под ним не трогают. А кто тронул - потом очень долго жалеет, если успевает.

На обочине проплыл рекламный щит. Краска облезла, нижний край оторвало ветром, но картинку ещё можно было разобрать: счастливая семья на диване, у каждого в руках светящийся телефон, а над ними - голубой кристалл с ровным, спокойным сиянием. «ТУНГА. ЭНЕРГИЯ, КОТОРАЯ ВСЕГДА С ТОБОЙ».

Кто-то из караванщиков давно уже прострелил кристаллу середину. Дыры шли кругом, аккуратно, как на мишени. Мул отмечал этот щит каждый раз, когда проезжал мимо, и каждый раз ловил себя на одной и той же мысли: стрелявший не промахнулся ни разу. Интересно, кто это и почему он не в его команде? Всё верно: у него должно быть всё лучшее - люди, оружие, машины, питание…

В «Тигре» было тесно. Мул сидел спереди, рядом с водителем, и смотрел в окно немигающим взглядом. Он был в военной форме, но всё равно выглядел бизнесменом, который прокручивает в голове очередную сделку. Собственно, так и было. Мул, как глава независимой фракции Караванщиков, всегда думал о сделках, фракциях, политике и о том, кто ему должен и кто где заплатит больше.

В голове у него, как всегда, шла бухгалтерия. Первый грузовик - медикаменты со склада под Тихорецком: антибиотики, бинты, три ящика физраствора. Это Городу живых. Во втором - то, что заказали сектанты: кабель, генераторные лампы и какие-то платы по списку, который Мул лично перечитал дважды и так и не понял, зачем всё это людям, которые молятся на психов. Для сделки понимать было не обязательно. Обязательно было, чтобы заплатили. Но для себя Мул странность отметил и отложил - как откладывал всё на склад, который держал в голове. Он поднялся не на тушёнке и не на патронах, а на информации: кто что ищет, кто сколько готов отдать, у кого что лежит в подвале. А сектанты, которые молятся на психов и при этом заказывают платы по списку на три страницы, - это была информация. Пока она ничего не стоила. Но когда-нибудь будет стоить очень дорого.

Когда-то он так же считал полки. Сто сорок супермаркетов по стране, маржа на молоко, маржа на хлеб, кто из поставщиков тянет со сроками и кого пора менять. Мир кончился, но люди не изменились. Только теперь на полках лежали патроны, а маржу считали в жизнях.

Город живых был должен ему за прошлую ходку - за фильтры для воды. Магна не была должна ничего. Сектанты платили всегда вовремя и всегда больше, чем он просил. Мул не

любил людей, которые платят больше, чем просишь. Тот, кто ничего не должен, может позволить себе всё.

Сзади, на откидных сиденьях, расположились Лиза - девушка с огненно-рыжими волосами, красивым, как с картинки, лицом и надписью на этом лице «не лезь, убьёт», - и Медик, невысокий мужичок лет сорока с лицом профессора или как минимум доцента. Лиза крутила головой, сканируя лес по сторонам. Медик копался в своей сумке, перебирая ампулы и бинты: он всегда копался в сумке, когда нервничал.

Психи появились на сорок третьем километре.

Двое. Они не бросились к машинам, как бросались всегда, - вышли из подлеска и встали у обочины, метрах в пятидесяти от головной багги. Просто стояли и смотрели. Худые, в лохмотьях, у одного на шее болтался обрывок галстука.

- Головной, вижу двоих справа, - сказала рация. - Стоят.

- Как стоят? - переспросил Мул.

- Да просто стоят, шеф. Смотрят.

Караван прошёл мимо. Мул смотрел на них в боковое окно, и тот, что в галстуке, повернул голову вслед за «Тигром». Медленно, плавно. А потом улыбнулся. Или Мулу показалось, что улыбнулся: на таком расстоянии да через грязное стекло можно увидеть что угодно.

Через километр они побежали следом. Отстали, конечно: бегущий человек не догонит машину, даже если он уже не человек. Но они бежали, пока караван не скрылся за поворотом, и Мул видел в зеркале, как две фигуры остановились посреди дороги. Одновременно, как по команде.

- Странные, - сказал водитель.

- Они все странные, - отозвалась Лиза.

Мул промолчал. Все психи были странными, но странными одинаково: увидел человека - бежишь, догнал - рвёшь. Эти были тоже странными, но по-другому.

Сыча подобрали у старой автобусной остановки. Он вышел из-за бетонной стенки так тихо, что пулемётчик на багги дёрнулся и чуть не срезал его очередью, - серый от пыли, с ветками, вплетёнными в капюшон, и с лицом человека, который неделю спал по два часа.

«Тигр» встал. Сыч забрался внутрь, втиснулся рядом с Медиком и первым делом протянул руку назад, не глядя. Лиза вложила в неё флягу. Он пил долго, жадно, кадык ходил вверх-вниз.

- Докладывай, - сказал Мул.

- В Магне тихо. - Сыч вытер рот рукавом. - Ворота открыты, ждут. Сам велел передать: груз примут целиком, расчёт на месте.

- Сам - это Высший?

- Ну а кто ж ещё. - Сыч поморщился. - Шеф, они там все двинутые. Стоят на стене и поют. Ночью поют, днём поют. Я трое суток в кустах пролежал, так у меня теперь эта песня в голове.

- Город живых?

- Ждут. Там как всегда: порядок, патрули, ПэЖэ лютует. Безопасно.

Мул кивнул. Безопасно - это хорошо. Безопасно - это цена.

- И ещё, шеф. - Сыч помолчал, будто решая, стоит ли говорить. - Психов в округе много. Только не стадом ходят. По двое. Как патрули.

В машине стало тихо.

- По двое, - повторил Мул.

- Я сам не поверил. Но три раза видел. Ходят, смотрят - и уходят.

Мул достал из нагрудного кармана банку тушёнки, бросил ему на колени. Сыч поймал её не глядя. Это было и спасибо, и оплата, и знак, что разговор окончен. Караван тронулся.

Из подлеска выбежали двое.

Они вылетели из кустов так внезапно, будто их выплюнули, и рванули наперерез головной машине. Пятак на багги среагировал мгновенно: пулемёт коротко рявкнул, и первый псих сложился пополам, пропахав носом гравий. Второй добежал до машины, попытался запрыгнуть на капот, но багги даже не сбросила скорость - удар, хруст, тело отлетело в кювет.

- Твою мать, - выдохнул водитель.

Мул уже нажимал кнопку рации.

- Что за самодеятельность? Какого хрена имущество каравана портишь?

Голос в наушниках ответил с ленцой:

- Мул, ну вот чего на них патроны тратить, тем более пулемётные.

- Ты идиот. - Мул говорил спокойно, но спокойствие это было опасным. - Три-пять патронов не стоят вставшего каравана из-за пробитого колеса или повреждённого рычага. Ещё раз повторится - отправлю в отряд зачистки. Такие самоуверенные там долго не живут.

- Понял, шеф. Мой косяк.

Пятак был лучшим пулемётчиком, и Мул держал его только за это, ведь лучшие должны быть только у него, даже если они плохие солдаты. Двадцать три года, веснушки, вечная ухмылка. Перед каждой ходкой он подкидывал старую пятирублёвую монету - отсюда и кличка - и никому не говорил, что загадывает. Мул однажды спросил. Пятак ухмыльнулся: «Если скажу, не сбудется, шеф».

В динамике снова щёлкнуло.

- Шеф, а он смеялся.

- Кто?

- Ну этот, второй. Когда на капот прыгал. Ржал, как дурак.

- Тебе показалось.

- Ага. - Пятак помолчал. - Показалось, наверное.

Караван продолжил движение, оставив два тела лежать на дороге. Никто не обернулся.

Лиза молчала, но Мул чувствовал её взгляд. Она всегда молчала, когда хотела что-то сказать, но не решалась. Хорошее качество для начальника охраны - уметь держать язык за зубами.

- Говори, - бросил Мул, не оборачиваясь.

- Я ничего не говорила.

- Поэтому и говорю: говори. У тебя лицо, как у кошки, которая хочет сожрать канарейку, но боится подавиться.

Лиза усмехнулась одними уголками губ.

- Разведка передала: в этой зоне высокая вероятность нарваться на край орды.

- Слышал.

- Мул, откуда тут орда? Они так далеко не заходят.

- Не знаю. - Мул потёр переносицу. - Они и по двое тут не бегают. Но какая это двойка за последний час?

- Четвёртая. Не считая тех, на сорок третьем, которые просто стояли. И нападают по очереди.

- Вот-вот. Мне кажется, это не единственные сюрпризы на сегодня. Ты знаешь, моё предчувствие меня не подводит.

Медик поднял голову от сумки:

- Если Мул сказал, что будут сюрпризы, значит, надо больше морфия.

Мул не ответил. Он смотрел в окно, на лес, который подступал к дороге с обеих сторон слишком близко. Лес был тихий. Слишком тихий для середины дня. Ни птиц, ни ветра - только вой моторов и хруст гравия под колёсами.

- Код красный, - сказал Мул в рацию.

В динамике зашуршало, и понеслись доклады: «Первый принял», «Второй готов», «Третий в норме». Слаженно, как на учениях.

Напряжение в машине стало ощутимым. Лиза положила руку на автомат. Медик закрыл сумку и пристегнулся, хотя обычно этим пренебрегал. Водитель сжал руль так, что побелели костяшки.

Лес молчал, и это точно было плохо.

Глава 2. Город живых: утро

Машина тряслась на ухабах, но ПэЖэ этого уже не замечал. Он сидел рядом с водителем и смотрел на приближающиеся ворота. Четыре дня в рейде, четыре ночи без нормального сна, четыре раза они чудом не вляпались в серьёзную заварушку. И ради чего? Ради ящика с медикаментами, который в итоге оказался наполовину пустым, и мешка соли.

Город живых показался из-за поворота, как всегда, сразу весь. Когда-то это было обычное село - одна школа, клуб, магазин, водонапорная башня да двухэтажная администрация посередине. Городом его назвали первые выжившие, то ли в шутку, то ли из упрямства, и название прижилось. Окраины срезали, как срезают гниль с картошки: крайние дома разобрали на кирпич, огороды перекопали, а по кругу поднялась стена - морские контейнеры, бетонные блоки, сваренные бортами автобусы, и поверх всего колючка в три ряда. Через каждые сто метров над стеной торчала вышка. На вышках никто не курил: ПэЖэ за это снимал с довольствия на неделю.

Ворота Города живых распахнулись, пропуская машины. Люди у блокпоста провожали их взглядами. ПэЖэ вышел, разминая затёкшие ноги, и по привычке оглядел улицу, будто проверял, всё ли на месте, пока его не было.

Всё было на месте.

У теплиц двое мальчишек гоняли консервную банку. Увидев машины, бросили её и побежали следом, выкрикивая что-то про разведку. Женщина на крыльце бывшей почты развешивала бельё и даже не обернулась. Вдоль главной улицы голубым светились фонари на Тунге - днём их никто не выключал, просто потому, что не было смысла. Обычное утро. ПэЖэ больше всего на свете любил, когда утро обычное. Он лучше всех знал, сколько людей за стеной заплатили, чтобы оно именно таким и оставалось.

- Павел Жанович! ПэЖэ, погоди!

Палыч нёсся к нему, размахивая руками, как ветряная мельница. Агроном Города живых, кажется, всегда был чем-то озабочен. Может быть, потому, что от его действий зависела жизнь всего города.

- Палыч, - ПэЖэ поднял руку, останавливая его на подлёте. - Я только приехал. Дай дух перевести.

- Какой дух, ПэЖэ, там же пропадает всё! - Палыч уже был рядом и дышал так, будто пробежал марафон, хотя пробежал он метров двадцать. - Картошка, морковь, свекла - им уход нужен, полив, а я людей вывести не могу, лесники сидят на месте, твои люди сидят на месте, все сидят на месте, а оно пропадает!

- Палыч.

- Что Палыч? Я Палыч, да, Палыч, но я же дело говорю, ПэЖэ, ты послушай…

- Палыч, - ПэЖэ повернулся к нему и посмотрел так, что агроном мгновенно заткнулся. - Никаких выходов. И точка. А есть нам точно нечего будет, если всю твою бригаду потеряем. Занимайся теплицами. Караван завтра ждём, так что не нагнетай.

Он развернулся и пошёл к лазарету, оставив Палыча стоять с открытым ртом.

- Теплицами, - донеслось вслед. - Что там тех теплиц…

У лазарета сидел мужчина. Он держался одной рукой за голову, другой, трясущейся, подносил ко рту сигарету. Сигарета давно погасла, но он этого не замечал. Глаза у мужчины были пустые, как у человека, который видел то, что видеть не следовало.

ПэЖэ остановился рядом.

- Нет?

Мужчина поднял на него мутный взгляд. Хотел что-то сказать, но только махнул рукой: бесполезно, мол, всё.

Дверь лазарета открылась, и вышел Док. Он вытирал руки о полотенце, но полотенце уже было мокрым насквозь, так что толку от этого было мало.

Док поднял голову, увидел ПэЖэ - и его словно прорвало.

- Я не могу больше так, - голос у Дока был хриплый, срывающийся. - Нам нужно оборудование. Я же список полгода назад тебе дал. Ты читал?

- Читал.

- И? - Док шагнул ближе. - И что? Уверен, что можно это выявлять ещё на маленьком сроке. Прерывать беременность. Чтобы вот этого, - он мотнул головой назад, в сторону лазарета, - не происходило. Ты понимаешь?

- Я видел список, - ПэЖэ говорил спокойно, хотя внутри всё сжималось. - Мы работаем над этим.

- Ты меня не слышишь! - Док перешёл на крик. - Я не могу больше, ты понимаешь? Четвёртые роды! Четвёртые, ПэЖэ! Они рождаются уже такими, я понимаю, что они уже не люди, но Я-НЕ-МОГУ! Мне потом снится их крик, понимаешь? Я спать не могу, ПОНИМАЕШЬ?

Он тряс полотенцем перед лицом ПэЖэ, и ПэЖэ молчал. Сказать было нечего. Док был прав. Полностью, абсолютно прав. И от этого было только хуже.

- Возьми себя в руки, - сказал ПэЖэ жёстче, чем хотел. - Ты сам вызвался, когда твоя жена рожала. Я достану оборудование. Разведка нашла всё, что нужно, но забрать не успели. Там замес был, двух ребят потеряли.

Док замер.

- И ты не сказал?

- Чтобы ты ломанулся туда? - ПэЖэ покачал головой. - Туда никак нельзя. Слишком опасно. Но мы знаем, где всё необходимое. В ближайшее время всё будет. Слышишь? - Он сделал паузу, выделяя каждое слово. - Всё. Будет.

- Просто пообещай мне, ПэЖэ. - Док говорил теперь тихо, по слогам. - Просто пообещай, что это-было-в-последний-раз.

- Мы не можем переставать пытаться, - ПэЖэ вздохнул. - Шансы на успешные роды малы, но они есть. Ради выживания, ради всех нас мы-должны-это-делать, Док.

- Я не хочу, как в соседнем поселении, - сказал Док вдруг совсем тихо, буднично, будто про погоду. - Где у них детский дом. - Он помолчал. - Я понимаю, что мы правильно поступаем. Что я правильно поступаю. Но у всего есть предел. Обещай.

ПэЖэ посмотрел ему в глаза. У Дока были красные, воспалённые веки, под глазами залегли синие тени. Он не спал уже, наверное, сутки. А может, и больше.

- Обещаю. Сделаю всё возможное.

Док кивнул, развернулся и пошёл прочь, всё ещё сжимая в руке мокрое полотенце.

ПэЖэ смотрел ему вслед и думал о том, что обещания - штука опасная. Особенно в мире, где всё идёт не по плану.

От лазарета до штаба было десять минут ходу, но ПэЖэ никогда не проходил их быстрее, чем за полчаса.

У водонапорной башни, как всегда, стояла очередь. Вода шла по часам, утром и вечером, по два ведра на семью, и люди приходили заранее - с вёдрами, канистрами, детскими ванночками. Над колонкой висел новый фильтр, серый, пузатый, с белым трафаретным мулом на боку. Город живых до сих пор был должен за него каравану. ПэЖэ подумал о Муле, о завтрашнем дне и отогнал эту мысль: завтра будет завтра.

- Павел Жанович! - от очереди отделилась женщина с двумя канистрами. - Мне опять полведра налили, говорят, лимит, а у меня трое…

- К мэру, - сказал ПэЖэ, не останавливаясь.

- Да была я у мэра!

- Значит, ещё раз к мэру.

Он не любил эту часть. Но если начать решать за мэра, кому сколько воды, через неделю весь город будет стоять в очереди к нему, а не к колонке. А ему было нужно, чтобы город стоял. Просто стоял. Остальное пусть решает Вениамин Фёдорович - у него для этого и голос мягкий, и терпения на троих.

На площади у бывшего клуба шумел рынок. Денег здесь не было уже четыре года - меняли. Патроны на соль, соль на мыло, мыло на детские ботинки, ботинки снова на патроны. Патроны были главной валютой, но ходили и другие: таблетки, иголки, зажигалки, кофе, которого никто уже не пил, а только нюхал. Батареек давно никто не просил. Всё, что должно было светить и тикать, работало на Тунге и, кажется, будет работать вечно. Над прилавком часовщика висела табличка, написанная от руки: «Чиню всё, кроме того, что сломано навсегда».

Возле мастерской пахло соляркой. Двое механиков, по пояс в моторе, перебирали дизель старого «Урала» и ругались так умело, что ПэЖэ на секунду заслушался. Бензиновых машин в городе не осталось: бензин испортился ещё в первую зиму. Дизель держался дольше, а когда кончался, его разбавляли тем, что давили из подсолнуха, и машины ехали - кашляя, вонючие, но ехали.

Из открытых окон бывшей школы доносился хор детских голосов. ПэЖэ замедлил шаг.

- Если тебя укусили… - нараспев вела учительница.

- …скажи взрослому! - хором отвечали дети.

- Даже если?..

- …даже если не больно!

- Даже если?..

- …даже если страшно!

Учили буквы, учили считать. И учили вот этому. ПэЖэ сам когда-то принёс учительнице этот стишок и попросил повторять каждый день, как молитву. Психом от укуса не становятся - это в городе знал каждый, даже эти дети. Но укус психа гноился так, будто зубы у них были ржавые, и за двое-трое суток человек сгорал от заражения. Поэтому укушенного сразу вели к Доку и держали в бараке у северной стены, пока не спадёт жар. Антибиотиков всегда не хватало. Половина того, что вёз Мул, была как раз для этого барака.

На углу у штаба стояла доска. Когда-то на ней висели объявления сельсовета, а теперь - фотографии. Сотни фотографий: свадебные, паспортные, распечатанные с телефонов, выцветшие, подписанные от руки. «Ищу маму. Галина Петровна, 54 года». «Серёжа, если ты жив - я здесь. Жду у водокачки каждый день. Твоя Аня». «Кто видел этого человека?» Люди приходили сюда по утрам, как в церковь: постоять, посмотреть, добавить новое.

ПэЖэ проходил мимо доски каждый день и ни разу на неё не посмотрел. Своих фотографий он туда не вешал. Искать было некого.

Штаб Города живых находился в бывшем здании администрации - единственном кирпичном двухэтажном доме на всё село: со второго этажа просматривалась вся стена, а в подвале устроили оружейную. ПэЖэ подходил к крыльцу, когда увидел Хмена.

Тот стоял с Колхозом, Горой и двумя бойцами помоложе - Топазом и Салагой - и о чём-то говорил, активно жестикулируя. Колхоз слушал с ленивой ухмылкой, Гора - с обычным каменным лицом. Топаз строгал ножом какую-то деревяшку, а Салага смотрел Хмену в рот.

- Хмен, - окликнул ПэЖэ.

Дмитрия Хвоева все звали Хменом: на всех ведомостях он вместо подписи ставил одну букву Х. Сначала ПэЖэ звал его Икс-меном, как в старом кино про супергероев, но выговаривать это было долго и как-то не по-нашему, и Икс-мен быстро стёрся до Хмена. Отчасти это была месть: когда-то сам Хмен сократил «Павла Жановича» до двух букв. Обе клички прижились, стали позывными, и теперь никто в городе уже не называл их иначе. Хмен командовал ГБР - группой быстрого реагирования: семь человек, которых отправляли туда, куда больше никого не отправишь.

Хмен обернулся и сразу пошёл навстречу. По тому, как он двигался - быстро, резко, с какой-то внутренней пружиной, - ПэЖэ понял: случилось что-то серьёзное.

- Здорово, - Хмен протянул руку. - Ты вернулся, очень кстати. Начну с главного: ночью два прорыва.

- Сколько?

- Двенадцать психов завалили. И одного силача.

ПэЖэ присвистнул.

- Силача? Откуда он тут? Они никогда от орды так далеко не уходили.

- Вот и я о том же, - Хмен потёр шею. - Но и это не всё.

Он достал экшен-камеру с маленьким монитором, включил запись. На экране замелькали кадры ночного боя: вспышки выстрелов, тени, чьи-то крики.

- Смотри сюда, - Хмен ткнул пальцем в экран.

ПэЖэ всмотрелся. Сначала ничего не понял, а потом увидел: псих, который двигался с такой скоростью, что камера едва его ловила. Он пересёк расстояние до блокпоста за секунду, прыгнул - и исчез из кадра.

- Какого хрена?

- Ага, заметил! - Хмен довольно улыбнулся, хотя улыбка вышла кривоватой. - Скорость бешеная. Мы его прыгуном назвали. Глаз еле успел снять.

- Я его первым увидел! - Салага влез раньше, чем кто-то успел его остановить. - Товарищ ПэЖэ, он прямо на меня прыгнул! Вот прямо на меня, метра три в воздухе, я в него полмагазина…

- Он прыгнул на стену, - не поднимая глаз от деревяшки, сказал Топаз. - В двадцати метрах от тебя.

- Ну, в двадцати…

- И полмагазина ты высадил в небо. Я трассеры видел. Красиво было.

- Зато громко! - не сдавался Салага.

Колхоз хмыкнул. Даже у Горы дрогнул угол рта. Салага покраснел, но не обиделся - он вообще не умел обижаться, когда рядом был Хмен. Ему было лет девятнадцать, в ГБР он ходил меньше полугода, и на прикладе его автомата темнели три аккуратные зарубки - по одной на каждый выход. ПэЖэ заметил, как парень машинально провёл по ним большим пальцем.

- Покажи тело, - сказал ПэЖэ.

Хмен откинул брезент, лежавший у ног. ПэЖэ наклонился.

То, что он увидел, не укладывалось в голове. Ноги психа были вывернуты в обратную сторону - коленные суставы смотрели назад. Мышцы на бёдрах - толстые, как канаты. Ступни - неестественно длинные, с какими-то дополнительными фалангами.

- Он перепрыгнул стену, - сказал Гора. - Два с половиной метра, играючи. Нам просто повезло - приземлился спиной ко мне, ну я и всадил в него ленту.

- Ага, патронов пятьдесят, с испугу, - буркнул Колхоз.

- Не с испугу, - обиженно ответил Гора. - Это рефлексы.

- Рефлексы-то рефлексы, но руки у тебя потом тряслись, я видел.

- Да пошёл ты…

- Отставить, - оборвал их Хмен.

- Это ещё не всё, - Гора вытер ладони о штаны и достал из-за пазухи планшет. - Утром запускали квадрик. Хотели понять, откуда прыгун пришёл. Пошли по следу и вот что нашли.

На экране поплыл лес - сверху, сплошной, серо-зелёный, - а потом в нём открылась проплешина. Ржавые ворота, над ними дуга с буквами, половины которых уже не было: «… ЕЗДОЧКА». Корпуса с провалившимися крышами, столовая, качели, заросшая футбольная площадка.

- «Звёздочка», - узнал ПэЖэ. - Мы её на второй год прочёсывали. Пусто было.

- Смотрите на качели.

ПэЖэ смотрел. Сначала ничего. Потом у качелей что-то шевельнулось - маленькое, быстрое, - метнулось через площадку и исчезло за углом столовой. Гора отмотал назад, поставил на паузу. На стоп-кадре была смазанная фигурка. Две руки, две ноги. Это однозначно был человек.

- Маленький какой-то, - сказал Колхоз.

- Пошли на второй круг, - продолжал Гора, - и вот.

Картинка дёрнулась, пошла полосами, застыла. Экран почернел.

- Сигнал заглушили. Квадрик не вернулся.

- Заглушили? - переспросил ПэЖэ. - Психи глушилками не пользуются.

Никто не ответил.

- Это выживший, - первым сказал Хмен. - Сидит там, боится выйти, пока не поймёт, кто мы такие. Я бы тоже боялся. Надо сходить.

- Выживший, который глушит дроны? - ПэЖэ вернул Горе планшет. - В лагере, где за четыре года никого не было?

- Значит, кто-то выжил.

- Или кто-то хочет, чтобы мы туда пошли.

- Ты во всём видишь ловушку, ПэЖэ.

- А ты во всём видишь возможность кого-то спасти. - ПэЖэ посмотрел на него в упор. - Поэтому я начальник безопасности, а ты - ГБР. Сходим. Когда будет кого послать. Не сегодня.

Хмен хотел ответить, но в этот момент со стороны радиорубки вылетел Туфля. Он нёсся так, будто за ним гнались все психи округи, и затормозил перед ПэЖэ, едва не врезавшись в него.

- Дядя ПэЖэ! Дядя ПэЖэ, срочное донесение!

- Туфля, - ПэЖэ вздохнул. - Сколько раз говорить: какой я тебе дядя? Здоровый лоб, а всё дядькаешь. И не по уставу это.

Туфля вытянулся, покраснел:

- Извините, товарищ ПэЖэ! Разрешите обратиться?

- Разрешаю.

- Вас срочно в радиорубку вызывают! Там это… кажется, с караваном что-то! А вас по рации не могут дозваться!

ПэЖэ хлопнул себя по поясу. Пусто.

- Чёрт, рацию в машине забыл.

Он обернулся к Горе и Колхозу:

- Доставить прыгуна к Доку. Скажите, что я жду полный отчёт.

ПэЖэ посмотрел в сторону лазарета.

- Будет чем отвлечься.

- Сделаем, - кивнул Гора.

- Хмен, со мной. Пойдём послушаем, что там случилось.

Хмен козырнул с дурашливой серьёзностью:

- Служу свободному поселению!

ПэЖэ только рукой махнул:

- Клоун. Нашёл время…

В радиорубке было душно. Лёха-радист сидел в наушниках, склонившись над аппаратурой, и что-то бормотал в микрофон. Он не слышал, как вошли ПэЖэ и Хмен, - увлечённо крутил ручки настройки и чертыхался сквозь зубы.

- Караван, Мул, вас не слышно, повторите. Мул, повторите, не принял… Да что у вас там происходит?

ПэЖэ подошёл и положил руку ему на плечо. Лёха вздрогнул, обернулся, вскочил, едва не уронив наушники.

- Товарищ ПэЖэ! - выпалил он, вытягиваясь.

- Докладывай.

- Связь была с караваном! - Лёха говорил быстро, захлёбываясь словами. - Сам Мул на связь выходил! Я ничего не понял, помехи сильные, но слышал стрельбу и слово «помощь», а потом связь пропала!

- Сколько времени нет связи?

- Ну… Туфля как раз у меня был, пока до вас добежал, пока вы пришли… минут десять!

Рация ожила.

Сквозь шипение и треск пробивался голос - далёкий, но с каждой секундой всё более отчётливый.

- Караван - Городу живых. Караван - Городу живых. Мул на связи. Приём.

Лёха метнулся к микрофону, нажал кнопку:

- Мул, принимаем отлично! Что у вас случилось? Тут руководство, докладывайте!

- Караван уничтожен, - голос Мула звучал глухо, как сквозь вату. - Нарвались на засаду психов. Это не орда, это именно засада. И я трезв.

Хмен переглянулся с ПэЖэ.

- Транспорта больше нет. Мы в составе пятнадцати человек движемся в сторону «Явки». Просим…

Сзади, в динамике, грохнули выстрелы.

- Волна! - заорал Мул уже не в рацию, а куда-то в сторону. - Левый фланг, мать вашу, левый фланг проморгали!

Треск, крики, снова выстрелы. Потом снова голос Мула - теперь уже прямо в рацию, запыхавшийся, злой:

- Выдвигаемся к «Явке»! Нас уже точно не пятнадцать! Ребята, выручайте, нам…

Взрыв.

И тишина.

- Мул? - Лёха вцепился в микрофон. - Мул, приём! Мул!

Тишина.

Лёха поднял глаза на ПэЖэ. Лицо у радиста было белое.

- Я… я буду вызывать, да? Я буду, товарищ ПэЖэ, я буду…

ПэЖэ положил руку ему на плечо - на этот раз мягче.

- Жди связи, Лёха. Не отходи от рации ни на шаг. Появится новая информация - сразу мне. Я рацию заберу, теперь услышу.

- Так точно… - Лёха сглотнул. - ПэЖэ, а что это было? Засада? Психи? Это… это что значит?

ПэЖэ посмотрел на Хмена. Хмен молчал, но по лицу было понятно: сказать ему нечего.

- Ничего хорошего, Лёша, - сказал ПэЖэ. - Ничего хорошего.

Он развернулся к Хмену:

- Собирай ГБР. Быстрее вас туда никто не доберётся, да и некого посылать - разведка только со мной вернулась, они сейчас не бойцы.

Хмен кивнул. На губах его мелькнула тень той самой кривоватой улыбки - той, что появлялась, когда он собирался делать что-то опасное.

- Ну, потому мы и группа быстрого реагирования. Сделаем всё в лучшем виде. Через десять минут на южном.

Он вышел, и дверь за ним хлопнула так, что Лёха вздрогнул.

А ПэЖэ остался стоять посреди радиорубки, глядя на рацию, которая молчала.

Лёха снова склонился над аппаратурой. «Мул, приём. Мул, ответьте. Караван, приём». Голос у него стал ровный, почти механический: так повторяют молитву, когда уже не верят, но надежда ещё теплится внутри.

ПэЖэ подошёл к окну. Окно радиорубки выходило на площадь, и через неё, расталкивая людей у водокачки, бежал Хмен - на ходу что-то кричал в рацию, и люди расступались, даже не спрашивая, что случилось. В Городе живых давно научились по походке понимать, когда лучше не спрашивать и не подходить.

Мул не был ему другом. Мул вообще никому не был другом - он был человеком, которому все были должны, и Город живых в том числе. Но в первом грузовике у Мула лежали антибиотики. Бинты. Физраствор. Всё то, что ПэЖэ полчаса назад пообещал Доку. «Всё. Будет». Он сказал это по слогам, глядя Доку в глаза, и теперь это «всё» лежало где-то на дороге, среди перевёрнутых машин, под смеющимися психами. И люди в бараке у северной стены будут ждать его так же, как Док.

Обещания - штука опасная. Он полчаса назад сам так подумал.

ПэЖэ вспомнил лагерь на экране планшета. Маленькую фигурку у качелей. Сигнал, который кто-то заглушил. «Или кто-то хочет, чтобы мы туда пошли». Он сказал это Хмену и сказал правильно. А теперь сам отправлял ГБР за стену - не в «Звёздочку», к «Явке», но всё равно за стену, в лес, где психи ходят по двое и устраивают засады. И отправлял, потому что другого выхода не было. Так всегда и бывает: ловушку видишь, а идти всё равно придётся.

Хмен скрылся за углом, в сторону южного блокпоста. ПэЖэ ещё постоял у окна, хотя смотреть было уже не на что.

- Мул, приём, - повторял за спиной Лёха. - Мул, ответьте…

Мышка. Сейчас

Четыре года после дня Х

Утром Мышка первым делом смотрела на руку.

Шрам чуть выше локтя был старый, белый, с ровными полукругами от зубов. Он давно уже не болел. Но каждое утро Мышка проводила по нему пальцем и слушала себя: не хочется ли смеяться. Из фильмов про зомби она знала, что укус срабатывает не сразу. У неё он не сработал за четыре года. Но кто знает. Может, ему просто некуда торопиться.

Смеяться не хотелось. Мышка опустила рукав и начала день.

У неё были правила. Перед выходом - проверить ПМ: магазин, патрон в патроннике, предохранитель. Выйдя, постоять на верхней ступеньке и посчитать до ста, слушая лес и медленно поворачивая голову по кругу. Домик проверить первым: если в нём кто-то есть, лучше узнать это раньше, чем он узнает про неё. Идти не по тропе, а рядом, и каждый раз немного по-другому, чтобы тропа не натаптывалась. За четыре года лес вокруг бункера так и не узнал, где она ходит.

Правила придумала не она. Она их просто вспомнила - по кусочку, из того, что папа говорил на охоте, между делом, словно невзначай. Тогда она думала, что он просто болтает. Теперь знала: он учил. Иногда она ловила себя на том, что отвечает ему вслух. Тихо, одними губами. «Да, пап. Вижу. Хорошо, пап».

Петли стояли вдоль оврага, семь штук. В двух были зайцы. Один ещё живой. Мышка присела на корточки, прижала его коленом и сделала то, что надо, быстро и аккуратно, как учил папа. Руки больше не дрожали. Когда-то дрожали неделями.

Потом был лагерь.

В «Звёздочку» она ходила не за едой. Еды там давно не было. Там были вещи. За четыре года она перетаскала в бункер пол-лагеря: одеяла, вёдра, иголки, нитки, коробку цветных мелков из кружковой и целую полку книг из библиотеки. Книги были детские, про пионеров и про лето. Сейчас она читала их по третьему кругу. Дети в них жили в лагере целое лето, спали в одной комнате по десять человек и жаловались, что им скучно. Этого Мышка не понимала совсем.

У ворот она остановилась и потянула носом.

Пахло не так.

Лагерь всегда пахнул одинаково: мокрым деревом, ржавчиной, прелыми листьями. А сегодня, как и вчера, в этот запах вплеталось что-то чужое. Солярка. И табак - горький, как у папы, только хуже.

Вчера она нашла у калитки окурок. Свежий, бумага ещё белая. А позавчера - следы на глине у реки: большие, с глубоким рисунком на подошве. Психи не носили таких ботинок. Психи вообще чаще бегали босиком.

Люди.

Мышка долго стояла у ворот, не дыша. За четыре года люди были здесь один раз - на второй год. Приехали на машинах, шумные, с оружием, обошли все корпуса, кричали «есть кто живой?». Она просидела всё время в кустах за футбольными воротами, прижимая к животу руку со шрамом. Если увидят укус - сделают то же самое. Она помнила тех парней, но особенно она помнила трубу.

Те люди уехали быстро. Эти не уезжали и как будто не собирались.

Она всё-таки прошла внутрь. Стенками корпусов, по траве, а не по асфальту. У столовой никого. У библиотеки никого. Запах солярки шёл откуда-то из-за реки, с дальнего края, куда она никогда не ходила.

На бегу туда не посмотришь. А вот с качелей видно далеко.

Качели были её местом. Единственным, где она нарушала правила. Папа бы не разрешил: открытое место, скрип на весь лес. Но иногда, когда было совсем тихо, Мышка садилась на крайние и качалась - чуть-чуть, чтобы не скрипели. И на несколько секунд была просто девочкой на качелях. В такие секунды ей иногда казалось, что сейчас сзади кто-нибудь подтолкнёт. Тёма всегда подталкивал слишком сильно, а она визжала и требовала ещё.

Она встала на сиденье, держась за цепи, и посмотрела за реку. Деревья, деревья. И среди деревьев - что-то гладкое, тёмное, с прямым углом. В лесу не бывает прямых углов. Этому она уже научилась сама.

Машина. Под сеткой, в ветках.

Мышка не успела решить, что с этим делать. Над лесом, со стороны дороги, появился звук. Тонкий, ровный, как у осы. Только осы не жужжат так высоко и так долго.

Она замерла.

А потом спрыгнула с качелей и метнулась через площадку за угол столовой - маленькая, быстрая, готовая юркнуть в нору.

За спиной тихо покачивались пустые качели.

Глава 3. Эксперимент

СССР, Ванавара, 1989 год
За 30 лет до дня Х

Лес вокруг Ванавары до сих пор лежал.

Восемьдесят один год прошёл с того утра, когда над тайгой что-то вспыхнуло ярче солнца, а потом ударило так, что в Лондоне качнулись стрелки барографов. Деревья в эпицентре повалило веером, верхушками от центра, на десятки километров вокруг. С тех пор выросли новые, но старые стволы никто не убирал, и они так и лежали во мху, серые, гладкие, как кости. Местные эвенки обходили это место стороной.

Метеорита так и не нашли. Ни одна экспедиция - ни довоенная, ни послевоенные - не подняла из болот ни грамма космического железа. Нашли кое-что другое. В семьдесят третьем геолог Сухотин, промывая торф на краю воронки, вытащил горсть мелких камешков, которые светились в темноте ровным голубым светом, как гнилушки, только ярче. Сухотин отправил образцы в Новосибирск. Через месяц в Ванавару прилетел вертолёт с людьми, которые не представлялись, а ещё через год на окраине посёлка вырос забор с колючкой. Посёлок назвали «объектом», камешки - «Тунгой», а самого Сухотина перевели куда-то под Мурманск, и больше о нём никто ничего не слышал.

За забором стояли три корпуса из серого кирпича, котельная, столовая и общежитие. Летом сюда налетал гнус такой плотный, что его можно было резать ножом. Зимой термометр опускался до минус пятидесяти, и тогда в корпусах тоже было холодно, потому что котельная не справлялась. Письма отсюда уходили раз в месяц с вертолётом, вскрытые и снова заклеенные. Ответы приходили так же.

Лаборатория номер три напоминала подвал, в котором кто-то забыл навести порядок. Пробирки, колбы, приборы, назначение которых давно стёрлось из памяти сотрудников, столы, заваленные бумагами, и везде - синеватое свечение. Оно исходило от небольших кусков минерала, разложенных в свинцовых контейнерах с прозрачными крышками.

Зотов сидел за столом и смотрел в микроскоп. Вернее, делал вид, что смотрит. На самом деле он уже минут десять гипнотизировал одну точку на стене и думал о том, сколько ещё можно тут торчать.

Ему было двадцать пять. Четыре года назад он закончил физфак МГУ с красным дипломом, и ему предложили «закрытую тему, перспективную, с допуском». Он согласился, не раздумывая: допуск, перспектива, двойной оклад, а главное - что-то настоящее, а не очередная кафедра с вечно пьяным завлабом. Ира, его девушка, обещала ждать. Первый год писала каждую неделю. Второй - раз в месяц. На третий пришло письмо, в котором она очень вежливо, очень длинно и очень по-доброму объясняла, что выходит замуж. Зотов перечитал его трижды и сжёг в котельной.

Он не жалел, что приехал. Он жалел, что ничего не происходит.

- Достало, - сказал он вслух и с размаху швырнул перчатку об стол.

Лев Аркадьевич поднял голову от записей. Он был старше, спокойнее и, кажется, вообще никогда не нервничал. Пятьдесят с лишним, седой ёжик, очки, перемотанные изолентой на дужке, - он работал на «объекте» с первого дня и, единственный из всех, ни разу не жаловался.

- Ты серьёзно?

- А ты серьёзно? - Зотов вскочил, прошёлся по комнате. - Четыре года, понимаешь? Четыре года монотонной работы! Мы тут как крысы в лаборатории, переставляем пробирки, смотрим в микроскоп, записываем цифры. И ради чего?

- Ради науки, - пожал плечами Лев Аркадьевич.

- Ой, да брось! - Зотов остановился и ткнул пальцем в сторону минерала. - Очевидно же, что в нём куча энергии. И кто её приручит - войдёт в историю. Но когда это будет? Через десять лет? Через двадцать?

- Ты слишком нетерпелив.

- Я хочу жить, а не существовать!

Лев Аркадьевич вздохнул и вернулся к записям. Спорить с Зотовым было бесполезно - он всегда находил повод для недовольства. Да и записи были не рабочие.

Зотов знал это. Все в лаборатории знали. Каждый вечер, когда смена заканчивалась, Лев Аркадьевич доставал из ящика стола тетрадку в клетку и писал письмо дочери. Дочь звали Анечкой, ей было шестнадцать, она жила с матерью в Свердловске и, судя по всему, не знала, где работает её отец. Письма Лев Аркадьевич не отправлял. Всё, что уходило с «объекта», читали, а он не хотел, чтобы кто-то чужой читал, как он скучает. Он говорил: «Вот закроют тему - отвезу всю пачку сам». Пачка лежала в нижнем ящике, перетянутая аптечной резинкой, и с каждым месяцем становилась толще.

- Опять Анечке? - спросил Зотов уже мягче.

- Опять, - Лев Аркадьевич улыбнулся, не поднимая глаз. - У неё выпускной скоро. Хочу написать, какое платье купить. Я в платьях, правда, ничего не понимаю.

- Голубое, - сказал Зотов. - Пусть будет голубое. Как Тунга.

- Вот уж нет, - засмеялся Лев Аркадьевич. - Хватит с меня голубого.

Дверь распахнулась.

В лабораторию влетел профессор Мегель. Он был взволнован, растрёпан, в халате нараспашку, и вид имел такой, будто только что совершил открытие, от которого у любого нормального человека поехала бы крыша.

- Срочно всё отменить! - выпалил он с порога. - Надо провести эмпирическую проверку!

Зотов и Лев Аркадьевич переглянулись. Мегель редко появлялся в их лаборатории. Он был немцем из ГДР, приехал в Москву по обмену лет пятнадцать назад, защитился, остался и каким-то образом оказался здесь, на краю тайги, во главе всего «объекта». Считался гением, но гением со странностями, и работал обычно в первом корпусе, где оборудование было новее и куда без вызова не пускали никого.

- Какую проверку? - осторожно спросил Лев Аркадьевич, но Мегель уже не слушал.

Он подошёл к столу, отодвинул Зотова плечом и начал собирать какую-то конструкцию. Пробирки, провода, странный прибор, который он принёс с собой, - всё это складывалось в нечто, отдалённо напоминающее электрическую схему, только очень странную.

- Дайте пробирку семнадцать, - бросил Мегель, не оборачиваясь.

Лев Аркадьевич открыл шкаф. Там, в специальных гнёздах, стояли пробирки с минералом. Каждая светилась своим оттенком синего - от бледного, почти прозрачного, до густого, насыщенного, похожего на цвет вечернего неба.

- Профессор Мегель, - Лев Аркадьевич подал пробирку и не удержался: - Что происходит? Вы что-то нащупали?

Мегель обернулся. В глазах его горел тот самый огонь, который бывает у людей, заглянувших туда, куда заглядывать не стоило.

- Это вы можете повариху щупать по вечерам, - сказал он с надменной улыбкой. - А я провёл предметное моделирование. Взглянул на проблему под другим углом.

Он достал минерал из пробирки. Тот был размером с крупную горошину, но сиял так ярко, что на миг показалось - в комнате зажгли ещё одну лампу.

Мегель положил минерал в своё устройство. Подключил провода. Сделал какие-то пометки в блокноте, хотя блокнот был уже весь исписан каракулями. Зотов успел заметить, что пишет он по-немецки, мелко, без наклона, будто печатает.

- Если есть желание, можете покинуть помещение, - бросил Мегель, не оборачиваясь.

Лев Аркадьевич шагнул вперёд. Глаза его горели не хуже, чем у Мегеля. Шестнадцать лет он смотрел на эти камешки в микроскоп. Шестнадцать лет писал отчёты, которые никто не читал.

- Я такое никогда не пропущу!

Зотов вздохнул, пожал плечами:

- Я с вами.

Мегель подошёл к рубильнику на стене. На секунду замер, будто собираясь с духом. Потом дёрнул рычаг.

Устройство засветилось.

Сначала тихо, ровно, как обычная лампа. Потом ярче. Потом ещё ярче. Синий свет залил комнату, проник в каждую щель, высветил каждую пылинку на столах. Зотов зажмурился - глаза резануло так, будто он смотрел на солнце.

И тут его накрыло.

Это было не похоже ни на что. Как будто кто-то открыл в нём кран, о котором он не знал, и оттуда хлынуло счастье - чистое, огромное, беспричинное счастье. Он стоял с закрытыми глазами посреди обшарпанной лаборатории, на краю тайги, в двухстах километрах от ближайшей дороги, брошенный девушкой, без единого результата за четыре года, - и ему хотелось смеяться. Хотелось обнять Льва Аркадьевича, обнять Мегеля, обнять весь этот гнус и все эти минус пятьдесят. Всё было правильно. Всё было хорошо. Всё было ровно так, как должно быть.

Он открыл глаза.

Лев Аркадьевич стоял рядом, весь в синем свете, и улыбался. Зотов никогда не видел у него такой улыбки - детской, светлой, совершенно счастливой. По его щекам текли слёзы.

А Мегель не улыбался. Мегель смотрел на них. Внимательно, не мигая, как смотрят на показания приборов.

А потом грохнуло.

Взрыв был не такой силы, чтобы разнести здание, но достаточный, чтобы выбить стёкла, повалить мебель и отправить в нокаут всех, кто был внутри.

Когда Зотов пришёл в себя, в ушах звенело так, что он не слышал собственного дыхания. Аварийное освещение мигало красным, выхватывая из темноты куски разрушенной лаборатории. Счастья больше не было. Оно ушло так же внезапно, как пришло, и на его месте осталась пустота - гулкая, ноющая, как лёгкая зубная боль.

Он с трудом поднялся, хватаясь за стол. Голова гудела, перед глазами плавали круги.

- Профессор? - позвал он. Голос прозвучал глухо, как из-под воды.

Из-под груды обломков выбрался Мегель. Он был в пыли, с рассечённой бровью, но глаза его сияли. Они сияли так же ярко, как тот минерал перед взрывом. Первым делом он полез в карман халата, достал блокнот, проверил, цел ли, и что-то быстро в нём записал. Только потом огляделся.

- Получилось, - выдохнул Мегель. - Получилось, чёрт возьми!

Зотов оглянулся. Лев Аркадьевич лежал у стены, неестественно вывернув голову. Он не дышал. На лице у него всё ещё была та самая улыбка.

- Он… - Зотов не договорил.

- Мёртв, - Мегель даже не взглянул в ту сторону. - Это цена прогресса.

Зотов хотел что-то сказать, но вместо этого посмотрел на свои руки. Они дрожали. Он посмотрел на Мегеля. Тот стоял, отряхивая халат, и улыбался.

- Сколько энергии, - пробормотал Зотов. - Невероятно… Что вы сделали?

Мегель подошёл к нему. Встал совсем близко, заглянул в глаза.

- Я вошёл в историю, глупец. - Он усмехнулся и, помолчав, добавил: - Похоже, ты тоже.

Зотов сглотнул. Он ещё не знал, что эта минута определит всю его жизнь. Что он будет жалеть о ней. Что будет проклинать себя за то, что не ушёл, когда была возможность.

Но это будет потом.

А пока он стоял посреди разгромленной лаборатории, смотрел на мёртвого коллегу и чувствовал, как внутри разгорается что-то странное - не страх, не ужас, а дикое, запретное восхищение. Он не знал тогда, что это за чувство и откуда оно взялось. Он думал, что оно его собственное.

* * *

Ночью он не спал.

В общежитии давали свет до одиннадцати, потом рубильник опускали, чтобы котельная не захлебнулась. Зотов лежал в темноте на продавленной панцирной кровати, слушал, как за стеной храпит кто-то из механиков, и смотрел в потолок. Голова болела. Рассечённая ладонь - он даже не заметил, когда порезался, - ныла под бинтом. Но думал он не о голове и не о ладони.

Он думал о том, как это было.

Лев Аркадьевич лежал сейчас в холодном подвале котельной, накрытый простынёй, потому что больше его положить было некуда. Зотов знал, что должен думать о нём. Пытался. Вспоминал очки с изолентой, пачку писем, «хватит с меня голубого». Вспоминал - и чувствовал вину, и стыд, и тоску, всё как положено. Но всё это было второстепенно. Главное чувство было иным.

Он хотел ещё раз.

Не взрыва. Не смерти. Того, что было за секунду до. Того счастья - огромного, беспричинного, такого, какого он не испытывал никогда, ни на выпускном, ни с Ирой, ни в тот день, когда пришло письмо с приглашением на «закрытую тему». Как будто ему на минуту показали, каким может быть мир, а потом выключили свет. И теперь всё вокруг - общежитие, храп за стеной, четыре года без результата, Ира, вышедшая замуж, - всё это казалось серым, плоским, ненастоящим.

Зотову стало страшно. Не оттого, что погиб человек. А оттого, что он понял: ему сейчас больше всего на свете хотелось снова встать под тот синий свет. Любой ценой!

Он перевернулся на бок, к стене, и долго лежал с открытыми глазами. За окном, над тайгой, висела луна, и в её свете поваленные стволы на краю воронки казались белыми, как кости. Под утро он всё-таки задремал. Ему снился Лев Аркадьевич в голубом свете. Он улыбался и что-то говорил, но Зотов не мог расслышать слов.

* * *

Человек из Москвы прилетел утром, первым же вертолётом.

Он был в сером костюме, сером плаще и серой кепке и выглядел так, будто его самого выдали со склада вместе с этой одеждой. Представился Виктором Сергеевичем. Фамилию не назвал. Говорил негромко, вежливо и ни разу за весь разговор не моргнул - или Зотову так показалось.

Разговор шёл в кабинете директора, на втором этаже первого корпуса. Директора в кабинете не было. За окном, во дворе, двое солдат грузили в вертолёт что-то длинное, завёрнутое в брезент. Зотов старался туда не смотреть.

- Короткое замыкание, - сказал Виктор Сергеевич, пододвигая к нему лист. - Неисправная проводка в лаборатории номер три. Несчастный случай. Вы ведь так и видели, Алексей Михайлович?

Зотов посмотрел на лист. Там уже всё было написано, аккуратным машинописным шрифтом. Дата, время, «в результате короткого замыкания в электрощитовой», «погиб старший научный сотрудник Гринберг Л. А.», «других пострадавших нет». Внизу оставалось место для подписи.

- Было не короткое замыкание, - сказал Зотов. - Был эксперимент. Мегель…

- Профессор Мегель, - мягко поправил Виктор Сергеевич, - провёл вчера весь день в первом корпусе. Это подтверждают трое сотрудников и журнал пропусков. - Он помолчал. -

Вы ведь тоже хотите продолжить работу, Алексей Михайлович? Вчера, насколько я понимаю, ваша тема наконец сдвинулась с мёртвой точки. Было бы обидно, если бы она продолжилась без вас.

Зотов молчал.

- У вас допуск первой формы, - продолжал Виктор Сергеевич тем же ровным голосом. - Сами знаете, что это значит. Если вы откажетесь подписать, я не стану вас уговаривать. Вы просто вернётесь в Москву. Но работы по специальности у вас не будет. Нигде. Никогда. А то, что вы видели вчера, будет происходить и дальше - просто без вас.

Он положил на лист ручку.

Ручка была обычная, шариковая, синяя, за тридцать пять копеек. Потом, через много лет, Зотов будет помнить её лучше, чем лицо Виктора Сергеевича. Синий колпачок с погрызенным кончиком. Кто-то до него тоже сидел над этим листом и грыз.

Он подписал.

Затем подписал второй лист - о неразглашении. Затем третий - о переводе в лабораторию номер один, в распоряжение профессора Мегеля, «в связи с производственной необходимостью».

- Благодарю вас, - Виктор Сергеевич собрал листы и убрал в папку. - И последнее. Личные вещи покойного.

Он кивнул на стол у стены. Там лежало всё, что осталось от Льва Аркадьевича: очки с изолентой, расчёска, бритва, кружка с отбитой ручкой. И пачка тетрадных листов, перетянутая аптечной резинкой.

- Это письма, - сказал Зотов. - Дочери. Он их не отправлял. Её зовут Аня, она в Свердловске, у неё скоро выпускной…

- Мы знаем, - сказал Виктор Сергеевич.

- Вы их передадите?

Виктор Сергеевич взял пачку, взвесил на ладони, как взвешивают кусок мяса на рынке. Потом положил её в ту же папку, к подписанным листам.

- Всё, что выходит с объекта, должно пройти проверку, - сказал он. - Вы же понимаете.

Зотов понимал. Он понимал, что Аня никогда не узнает, какое платье хотел купить ей отец.

Мегель ждал его в коридоре. Стоял у окна с перевязанной бровью и смотрел, как вертолёт отрывается от земли, раскачивая верхушки сосен.

- Подписал? - спросил он, не оборачиваясь.

- Подписал.

- Правильно. - Мегель повернулся. - Завтра в восемь в первом корпусе. Опоздаешь - уволю.

Он пошёл по коридору, и Зотов вдруг понял, что не может не спросить.

- Профессор. Когда вспыхнуло… Перед взрывом. Вы что-нибудь почувствовали?

Мегель остановился. Медленно обернулся. Посмотрел на Зотова так же, как вчера смотрел на них со Львом Аркадьевичем, - внимательно, не мигая.

- А ты? - спросил он.

Зотов не ответил. Мегель кивнул, будто именно этого ответа и ждал, и ушёл.

На подоконнике, там, где он стоял, остался блокнот. Забытый или оставленный нарочно - Зотов так и не узнал. Блокнот был раскрыт на последней странице. Почти вся она была исписана формулами, мелко, по-немецки, без наклона. Внизу стояли три строчки, подчёркнутые дважды.

Немецкий Зотов учил в школе и в университете и прочитал без труда.

«Субъект З. - эйфория. Субъект Г. - эйфория, слёзы. Не их чувства. Мои - нет».

Он перечитал последнее слово три раза. Потом аккуратно закрыл блокнот и положил его обратно на подоконник, точно так, как он лежал.

За окном стих вертолёт. В тайге снова стало тихо.

* * *

В первый корпус Зотов пришёл без десяти восемь.

Он был здесь впервые. Четыре года он ходил мимо этих дверей с кодовым замком и табличкой «Посторонним вход воспрещён», и всякий раз ему казалось, что за ними и происходит настоящая наука, а у них, в третьей, так, перекладывание пробирок. Теперь вахтёр, не задав ни одного вопроса, нажал кнопку, и дверь открылась.

Внутри было тепло. Это первое, что он заметил: впервые за четыре года на «объекте» было по-настоящему тепло. Батареи стояли холодные, котельная сюда, видимо, тоже не дотягивала, но откуда-то шло ровное сухое тепло, как от печки. Зотов огляделся и увидел откуда. Вдоль стен коридора стояли невысокие металлические шкафы, и в каждом за решёткой мягко светился голубой камень размером с кулак.

Мегель уже ждал его в лаборатории. Он стоял над длинным столом, заставленным приборами, и не обернулся, когда Зотов вошёл.

- Не опоздал, - сказал он. - Хорошо. Смотри.

Он кивнул в дальний угол. Там, на стеллаже, в два ряда стояли клетки. Двадцать, может, тридцать. В каждой - крысы, обычные серые лабораторные крысы, по пять-шесть штук.

Зотов подошёл ближе.

Над левым рядом клеток висела лампа с голубым камнем внутри. Крысы под ней сидели неподвижно, сбившись в кучу, мордами к свету. Не дрались, не грызли решётку, не лезли друг на друга. Просто сидели и смотрели вверх. Корм в кормушках лежал нетронутым.

Над правым рядом лампы не было. Там крысы были крысами: возились, пищали, дрались за еду, одна, с порванным ухом, металась от стенки к стенке.

- Неделю, - сказал Мегель за его спиной. - Они сидят так неделю. Не едят, не спят, не дерутся. Им хорошо.

Зотов смотрел на неподвижных крыс под голубым светом и вспоминал вчерашнее счастье. Огромное, беспричинное. Как же хочется повторить.

- Они же сдохнут, - сказал он.

- Сдохнут, - согласился Мегель. - Счастливыми. - Он помолчал. - Пока я не научусь этим управлять. Немного радости - и человек работает. Немного страха - и человек слушается. Немного спокойствия - и он не задаёт вопросов. Энергия, Алексей Михайлович, - это побочный эффект. Электричество умеет делать каждая электростанция. А вот это, - он кивнул на клетки, - не умеет делать никто.

Зотов молчал. Он вдруг понял, что именно было в блокноте. «Не их чувства».

- Зачем вы мне это показываете? - спросил он наконец.

Мегель подошёл к нему. Встал совсем близко, как вчера в разрушенной лаборатории, заглянул в глаза.

- Потому что ночью ты не спал, - сказал он. - И думал не о Гринберге. Ты думал о том, как бы почувствовать это снова. Ведь так?

Зотов хотел соврать. Он открыл рот, чтобы соврать. И не смог.

- Так, - сказал он.

- Вот поэтому. - Мегель улыбнулся, впервые за всё время почти по-человечески. - Мне нужны люди, которые понимают, с чем имеют дело. Изнутри. Ты понимаешь.

Он протянул Зотову белый халат, новый, с жёстким от крахмала воротником. На нагрудном кармане было вышито: «Лаборатория № 1».

Зотов взял халат.

За его спиной, в левом ряду клеток, двадцать с лишним серых крыс сидели неподвижно, мордами к голубому свету, и были счастливы.

Через тридцать лет Зотов будет сидеть за длинным столом в подземном зале «Магны», смотреть, как Мегель крутит в пальцах небольшое устройство с голубым светом внутри, и вспоминать эти клетки. И думать, что всё началось не со вспышки и не со взрыва. Всё началось с того, что он взял халат.

Но это будет потом.

Мышка. Первая ночь

В дверь так никто и не постучал.

Мышка сидела в углу, пока не затекли ноги. Потом встала, потому что ноги заболели сильнее, чем рука, а это было неправильно. Папа говорил: если что-то болит, надо понять, что именно, и сделать с этим что-нибудь. Сидеть и ждать, пока само пройдёт, - это не работа.

Рука болела вся, от плеча до пальцев. Рукав присох к ране, и, когда Мышка потянула, стало так больно, что она села обратно на пол и долго дышала открытым ртом, как собака в жару. Потом потянула ещё раз. Медленно. Рукав отошёл.

Укус был некрасивый. Два полукруга от зубов, тёмные, мокрые, а между ними кожа стала синей, как будто кто-то нарисовал на руке фломастером. Мышка смотрела на него и не плакала. Плакать ей было некогда.

Аптечка висела у входа, красная, с белым крестом, папа показывал ей прошлым летом. «Если порежешься - сюда. Белая баночка - щиплет, но надо. Коричневая - щиплет сильнее. Бинт - вот так, по кругу, не туго». Мышка сняла аптечку со стены, открыла, нашла белую баночку и долго не решалась. Потом зажмурилась и вылила на руку сразу половину.

Рана зашипела и вспенилась, белая пена полезла из неё, как из бутылки с газировкой. Мышка закричала - один раз, коротко, - и сразу зажала рот здоровой рукой. Кричать было нельзя. Вдруг кто-то услышит. Вдруг он смеётся и ходит где-то рядом, за дверью.

Она перевязала руку сама. Вышло криво и толсто, бинт сбивался, конец не хотел заправляться, и она привязала его узлом, как шнурок. Узел получился бантиком. Мышка посмотрела на бантик и вдруг засмеялась, а потом сразу испугалась: а если это уже оно? Если уже начинается?

Она знала, что начинается. Она слышала того парня в лесу. «Это просто укус, Лёх». И видела трубу. Если бы укус был просто укусом, его друг не стал бы его бить. Значит, взрослые знают: после укуса человек становится таким же. Сначала смеётся. Потом смотрит белыми глазами. Потом бросается. А потом смеётся постоянно.

Как в кино. Тёма как-то смотрел такое кино, про мёртвых, которые ходят, и Мышка подглядывала из-за двери, пока мама не прогнала. Там укушенный дяденька сначала был нормальный, весь день был нормальный, а ночью встал и пошёл.

Значит, ночью.

Мышка посмотрела на часы над дверью. Часы светились голубым, как всё в этом домике: часы, лампочка над столом, кнопки на двери изнутри. Без двадцати одиннадцать. До ночи совсем мало.

Она подумала, что тогда надо успеть.

В ящике стола нашлась тетрадка в клетку и карандаш. Писать Мышка умела - мама научила её ещё весной, по букварю, и она уже читала сама, медленно, пальцем по строчкам. Писать было труднее. Буквы не слушались, «Я» всё время поворачивалась не в ту сторону. Но она писала. Высунув язык, как в садике, и сильно нажимая на карандаш, так, что на следующей странице оставались вдавленные следы.

Это заняло очень много времени. Когда она закончила, часы показывали без пяти двенадцать.

ТОМУ КТО МИНЯ НАЙДЁТ

МИНЯ ЗАВУТ МАША. ПАПА ЗАВЁТ МЫШКА.

МИНЯ УКУСИЛ ПСИХ. Я НАВЕРНА УМРУ И СТАНУ КАК ОНИ.

ЕСЛИ Я СТАЛА КАК ОНИ НИ БОЙТЕСЬ СТРИЛЯЙТЕ. МНЕ НИ БУДЕТ БОЛЬНО.

МАМА ПАПА И ТЁМА АСТАЛИСЬ ДОМА. ЕСЛИ ВЫ ИХ НАЙДЁТЕ СКАЖИТЕ ЧТО Я ДАШЛА.

Я ВЫПОЛНИЛА РАБОТУ.

Внизу она нарисовала четыре человечка, которые держались за руки. Папа самый большой, мама поменьше, Тёма, и с краю - она, совсем маленькая, с бантиком на руке. Подумала и пририсовала над ними солнце. Солнце вышло кривое, с лучами разной длины, как у ёжика.

Потом вырвала лист, сложила вчетверо и положила на стол, на самое видное место. Чтобы тот, кто найдёт, сразу увидел.

И села ждать ночи.

Ждать было страшно. Страшнее, чем бежать. Когда бежишь, думаешь о столбах и берёзах, а когда сидишь - только о том, что внутри тебя что-то медленно поворачивается, как ключ в замке.

Мышка взяла пистолет.

Он лежал рядом, там, где она его оставила, тяжёлый и холодный. Папа учил её разбирать его на кухонном столе, на старой газете, чтобы не испачкать клеёнку маслом. Мама ругалась: «Нашёл игрушку ребёнку». Папа отвечал: «Это не игрушка. Поэтому и учу». Мышке нравилось. Пистолет разбирался на части, как конструктор, и у каждой части было своё название, смешное и взрослое: затвор, возвратная пружина, рамка.

Она сделала всё, как учил папа. Вынула магазин, положила справа. Оттянула затвор, посмотрела в окошко - пусто. Опустила спусковую скобу. Затвор назад, вверх, снять. Пружина. Всё. Четыре части лежали перед ней на полу в ряд, как солдатики.

Руки делали это сами. И пока руки работали, ключ внутри не поворачивался.

Потом надо было собрать.

Пружину на ствол - это получилось. Затвор надеть сзади, сдвинуть вперёд, прижать - и вот тут ничего не получалось. Пружина была тугая. Слишком тугая для её пальцев. Когда они собирали с папой, папа держал рамку, а она нажимала, и вдвоём выходило. Затвор срывался, отскакивал, один раз больно ударил по пальцам. Мышка начинала снова. Затвор срывался. Она начинала снова.

На двадцатый раз она заплакала.

Это были первые слёзы за весь день. Не когда кусали, не когда она видела маму на полу и Тёму с раскинутыми руками, не когда папа говорил «иди». Тогда было нельзя. А сейчас - из-за дурацкой пружины, из-за затвора, который не хотел вставать на место, - слёзы полились сами, и остановить их было невозможно. Она плакала громко, некрасиво, с соплями, и всё равно пыталась собрать, и затвор всё равно срывался, потому что руки тряслись и ничего не было видно.

Папа бы собрал за секунду.

Папа не придёт.

Она плакала, пока не кончились слёзы. Потом вытерла лицо подолом платья, тем самым, на котором была кровь, и взяла затвор снова.

Она поставила рамку на пол. Упёрла её в ножку стола, чтобы не уезжала, - сама придумала, папа так не делал. Надела затвор. Навалилась на него всем телом, обеими руками, и на укушенную тоже, и от боли в глазах стало белым.

Щёлк.

Затвор встал на место.

Мышка долго сидела, не веря. Потом вставила магазин. Щёлкнуло ещё раз - правильно, как надо. Она положила пистолет на колени и только тогда посмотрела на часы.

Там было шесть утра.

Ночь прошла. Она не встала и не пошла. Она не смеялась. Она сидела на полу в бункере, с бантиком на руке и собранным пистолетом на коленях, и была всё ещё собой.

Может, укус работает медленнее, подумала она. Может, завтра. Надо будет проверять. Каждое утро.

Она поднялась, подошла к столу и посмотрела на сложенный вчетверо листок. Подумала. Выбрасывать его было нельзя: вдруг всё-таки завтра. Мышка взяла листок и положила его в нижний ящик стола, под тетрадку. Пусть лежит. На всякий случай.

Потом легла на нижнюю койку, прямо в платье и в ботинках, прижала пистолет к животу и заснула раньше, чем успела закрыть глаза.

Это было первое, что она сделала без папы. Она сама собрала пистолет. Папа бы ею гордился.

Глава 4. ГБР

Десять минут - это много, если знать, на что их тратить.

Хмен знал. Две минуты - до дома, бегом, через площадь, мимо очереди у водокачки. Три - собраться: бронежилет, разгрузка, магазины, аптечка, фляга. Две - до оружейки, расписаться, забрать своё. Три - до южного. Он делал это столько раз, что мог бы с закрытыми глазами.

Он не рассчитал только одного: что Белка окажется дома.

Она должна была спать в бараке при лазарете - после ночной смены медсёстры оставались там до обеда, потому что сил дойти до своей койки ни у кого не было. Но когда Хмен влетел в комнату, Белка сидела на его кровати, поджав ноги, в его же старой тельняшке, которая была ей до колен, и пила чай из его же кружки. Волосы растрёпаны, под глазами тени, на щеке след от подушки.

- Ты чего здесь? - спросил он с порога и тут же понял, что вопрос глупый.

- Тебя ждала, - сказала Белка. - Ты же четыре дня по ночам на стене. Думала, хоть утром посидим.

Она посмотрела на него. На то, как он стоит, как дышит, куда смотрит. И кружка в её руках остановилась на полпути.

- Выход, - сказала она.

- Караван, - Хмен уже снимал с гвоздя разгрузку. - Мул в беде. У нас десять минут.

Белка поставила кружку на подоконник и встала. Больше она ничего не спрашивала. За полтора года она научилась: когда Хмен говорит «десять минут», вопросы можно задать потом. Если это потом настанет.

Она подала ему бронежилет, пока он проверял магазины. Застегнула боковые ремни, потому что ему самому до них было неудобно тянуться, - быстро, ловко, как застёгивала на раненых шины. Проверила аптечку на поясе: жгут, бинты, обезболивающее. Переложила одну ампулу из своего кармана в его.

- Это лишняя, - сказал он.

- Это моя, - сказала она. - Вернёшь.

Они стояли совсем близко. Хмен смотрел на неё сверху вниз - маленькую, в его тельняшке, с этим дурацким следом от подушки на щеке - и думал, что за четыре года апокалипсиса это единственное, что у него получилось. Не Город, не ГБР, не двенадцать психов на стене этой ночью. Вот это. Женщина, которая не спрашивает и застёгивает ремни.

Она и сама не знала, за что он ей достался. Они познакомились в лазарете, когда он пришёл к Доку с пробитым плечом и наотрез отказался от обезболивающего. Белка тогда зашивала его наживую и ругалась, что он упрямый осёл. Он смотрел на неё и молчал. Через неделю пришёл снова, с совершенно целым плечом, и спросил, нет ли у неё свободного вечера. Свободных вечеров в Городе живых не было ни у кого. Но для него нашёлся.

- Я вчера муку выменяла, - сказала Белка, глядя ему в грудь, в застёгнутый бронежилет. - Полкило. Настоящую, не из отрубей. Пирожки хотела. С капустой.

- Хорошая мысль.

- Вот вернёшься - и сделаю. - Она подняла глаза. - Только не раньше. Без тебя есть не буду, так и знай. Пропадёт мука - на тебе грех.

Хмен улыбнулся. Он знал этот её приём: давать ему причину вернуться. Каждый раз новую. Пирожки, недошитая занавеска, обещание научить её стрелять, которое он всё откладывал. Как будто одной её было мало.

- Не пропадёт, - сказал он.

Он наклонился и поцеловал её в след от подушки. Белка зажмурилась.

- Дим.

- Мне пора.

- Я знаю. - Она отступила на шаг, давая ему дорогу. - Я провожу.

- Не надо. Ты после смены, тебе спать.

- Я провожу, - повторила она тем же голосом, каким говорила раненым «не дёргайся».

Хмен не стал спорить. Он подхватил автомат и выскочил за дверь. Белка натягивала куртку прямо поверх тельняшки, на ходу, и догнала его уже на лестнице.

До южного они дошли за три минуты. Ровно, как он и рассчитал.

Южный блокпост встречал холодом и запахом сырой земли. Утро ещё не прогрелось, туман лежал в низинах за стеной, как вата. Город уже проснулся - где-то лаяли собаки, где-то хлопнула дверь, где-то женский голос звал ребёнка домой. Обычное утро в мире, который давно забыл, что такое обычность.

Перед воротами собралась группа.

Их было семеро: Хмен, Гора, Глаз, Колхоз, Талиб, Топаз и Салага. Семь человек, на которых держалась безопасность Города живых. Семь человек, которые сейчас перешучивались, проверяли оружие и поглядывали на ворота, за которыми начиналась опасная зона.

ПэЖэ стоял напротив них, сжимая в руке планшет с картой.

- Значит так, - начал он без предисловий. - Остатки каравана направляются к бункеру «Явка». Ваша задача - выдвинуться навстречу, встретить их и доставить в город. Группа Мула опытная: если они забаррикадировались, значит, есть причины. Будьте готовы ко всему.

Хмен кивнул и повернулся к своим:

- Пять минут на сборы и проверку. Время пошло.

Бойцы зашевелились. Кто-то досылал патроны в магазины, кто-то подтягивал ремни, кто-то просто стоял и смотрел на лес за воротами - каждый делал это по-своему, но в движениях чувствовалась привычная слаженность.

Салага сидел на ящике с патронами и большим пальцем гладил приклад. Три зарубки, ровные, одна к одной. Он вырезал их сам, перочинным ножом, и каждую - в ночь после выхода, когда все уже спали, чтобы никто не видел. Все, конечно, видели.

- Сегодня четвёртая будет, - сказал он ни к кому особо не обращаясь. - Чую.

- Чуешь ты, - лениво отозвался Колхоз, - только когда в столовой котлеты дают.

- Котлеты тоже чую, - не обиделся Салага. - Это талант.

Топаз сидел рядом на корточках и что-то доделывал ножом. Стружка завивалась у него под лезвием тонкими светлыми колечками и падала на сапоги. Он не поднимал головы, но Хмен знал: Топаз слышит всё и про каждого. Двадцать лет за ювелирным верстаком учат не только держать резец.

К воротам подошёл Туфля. Он, видно, бежал от самой радиорубки: был красный, взъерошенный, и куртка была застёгнута не на те пуговицы. Встал рядом с Белкой, которая так и стояла чуть в стороне, засунув руки в карманы куртки, надетой поверх тельняшки. Белка была без своей сумки с медикаментами - впервые на памяти Хмена. Туфля рядом с ней выглядел совсем пацаном: тощий, длинный, с неловкими движениями подростка, который ещё не привык к тому, что вырос.

Туфля шагнул вперёд, вытянулся перед ПэЖэ:

- Товарищ ПэЖэ, разрешите обратиться?

- Выкладывай.

- Я это… - Туфля сбился, покраснел, но взял себя в руки. - Я готов присоединиться к ГБР. Я же даже в рейде уже был. Я справлюсь, честное слово!

ПэЖэ поднял бровь:

- Стоп-стоп-стоп. - Он выставил руку вперёд. - Во-первых, у нас есть правила. В ГБР берут только тех, кто физически крепок. Ты хоть представляешь, сколько на себе иногда приходится таскать? А во-вторых, сейчас не время и не место.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Туфля стоял, сжимая кулаки, и было видно, как в нём борется желание возразить и страх нарваться на ещё более жёсткий отказ.

Хмен подошёл к нему, положил руку на плечо:

- Туфля, ГБР - это группа быстрого реагирования. А это опыт, сноровка и тренировки. Давай завтра приходи с утра, пойдём тренироваться на стрельбище. Договорились?

Туфля поднял глаза. В них была надежда, но сразу же погасла, потому что вмешался Колхоз:

- Пацан, не до тебя. Отстань и сопли подотри.

Белка шагнула вперёд, готовая защищать Туфлю, но Хмен её опередил:

- Отставить! - Он посмотрел на Колхоза. - А ты знаешь, почему его Туфлей зовут?

Колхоз усмехнулся:

- Он что, подмастерье у сапожника был?

- Вот ты силача убивал? - Хмен говорил спокойно, но в голосе появились металлические нотки. - Нет. А голыми руками и подавно.

Колхоз перестал ухмыляться.

- А Туфля убивал. - Хмен кивнул на парня. - Когда его психи зажали в доме, он в гардеробной спрятался. Силач всех растолкал и в узкий проход полез. А он - туфлей с длинным каблуком в глаз силачу зарядил. Не знаю уж как, но как-то повредил мозг, и тот завалился, перекрыв вход. Так его и нашли - за этой тушей.

Тишина повисла на несколько секунд. Потом Колхоз присвистнул и с уважением посмотрел на Туфлю.

- Извини, малец, - сказал он. - Героя не признал.

Туфля покраснел ещё сильнее, но теперь уже не от обиды, а от смущения.

Топаз поднялся с корточек, отряхнул с колен стружку и подошёл к нему. В руке у него была деревянная фигурка - с ладонь величиной, светлая, ещё пахнущая свежим срезом. Солдат. Каска, разгрузка, автомат поперёк груди. Всё было вырезано тонко, до последнего ремешка, и только лицо оставалось гладким, нетронутым.

- Это тебе, - сказал Топаз. - Боец ГБР. Почти готов.

Туфля смотрел на фигурку так, будто ему вручили орден.

- А… а лицо?

- А лицо доделаю, когда вернусь. - Топаз сунул фигурку обратно в нагрудный карман. - Лицо - это самое сложное. Его надо с натуры резать. Вот вернёмся - посидишь мне полчаса смирно, и будет у бойца твоё лицо.

- Правда?

- Я когда-нибудь врал?

- Ты вчера сказал, что у Колхоза есть чувство юмора, - вставил Салага.

- Это было преувеличение, а не враньё. - Топаз хлопнул Туфлю по плечу. - Жди.

ПэЖэ поймал Хмена за локоть, когда тот уже шёл к машине, и отвёл в сторону, к будке блокпоста, где их не было слышно.

- Дим.

Хмен остановился. ПэЖэ называл его по имени раз в год, и обычно это не предвещало ничего хорошего.

- Ты слышал, что Мул сказал, - ПэЖэ говорил негромко, глядя не на Хмена, а на ворота. - «Это не орда, это засада». Мул двадцать лет в бизнесе и четыре года на дорогах. Он орду от засады отличает лучше нас с тобой.

- Слышал.

- Психи засад не делают. Никогда не делали. Они бегут на звук и рвут. А тут - ждали. Ночью у нас прыгун перелезает через стену, которую за четыре года никто не перелезал. Утром

кто-то глушит наш квадрик. Днём психи кладут караван Мула. - ПэЖэ помолчал. - Я не верю в совпадения, Дим. Это кто-то делает. Кто-то их учит.

- Кто?

- Не знаю. И мне это не нравится больше всего.

Хмен посмотрел на него. ПэЖэ выглядел так, как выглядел всегда, - выбритый, подтянутый, в застёгнутой на все пуговицы форме, будто и не было четырёх дней рейда. Только в глазах было что-то, чего Хмен раньше не видел.

- Есть ещё кое-что, - сказал ПэЖэ. - У Мула в первом грузовике антибиотики. Для барака. Я утром Доку обещал.

- Понял.

- Ничего ты не понял. - ПэЖэ наконец посмотрел на него. - Я тебе не приказываю привезти лекарства. Я тебе приказываю привезти людей. Своих. Всех семерых. Если выбирать между грузовиком и Салагой - ты выбираешь Салагу. Понял?

Хмен понял. Это было то, чего ПэЖэ никогда не говорил вслух: что он боится. Не за себя и не за город - за них. За семерых, которых сам отправляет туда, где их, может быть, уже ждут.

- Сделаем, - сказал Хмен. - В лучшем виде.

- Клоун, - сказал ПэЖэ, но без привычной досады. И отпустил его локоть.

- ГБР, стройся! - скомандовал Хмен.

Бойцы построились. Белка и Туфля отошли в сторону, но Туфля не сводил глаз с группы - с завистью, с восхищением, с тоской. И с нагрудного кармана Топаза, где лежал его деревянный боец без лица.

- Выдвигаемся, - бросил Хмен.

Бойцы начали загружаться в транспорт. Гора забрался за руль, Глаз и Талиб сели сзади, Колхоз устроился у борта, Топаз и Салага - на откидных сиденьях. Хмен уже поставил ногу на подножку, когда услышал:

- Дима…

Он обернулся. Белка стояла в двух шагах, сжимая край куртки. Лицо у неё было такое, будто она сейчас заплачет, но держится из последних сил.

Хмен улыбнулся - тёплой, совсем некомандирской улыбкой:

- Не переживай. Я скоро вернусь. Мука не пропадёт.

Белка засмеялась сквозь слёзы, и это было лучше, чем если бы она просто заплакала.

Он забрался в машину, дверь захлопнулась. Мотор взревел, и машина тронулась, набирая скорость.

Белка стояла и смотрела вслед. Она подняла руку, чуть заметно помахала, потом прижала ладонь к груди и замерла так, будто пыталась удержать в себе что-то очень важное.

Туфля подошёл и молча взял её за руку.

В машине было тесно. Бойцы сидели вплотную друг к другу, и каждый думал о своём.

Глаз смотрел в окно, сканируя местность. Он всегда так ездил - лицом к стеклу, неподвижно, как сова, и казалось, что он видит не лес, а сетку прицела, наложенную на лес. До катастрофы Глаз был промысловиком где-то под Туруханском, бил соболя в глаз, отсюда и прозвище. Говорил он мало, и когда говорил, все замолкали, потому что это всегда было по делу. За четыре года Хмен ни разу не видел, чтобы Глаз промахнулся. И ни разу - чтобы он улыбнулся.

Талиб проверял снаряжение в сотый раз. Левое плечо у него было перевязано: ночью прыгун задел его, перемахивая через стену, и Док наложил шесть швов. Талиб от лазарета отказался. «Я с одной рукой лучше стреляю, чем Салага с двумя», - сказал он, и Салага даже не нашёлся, что ответить, потому что это была правда. Настоящего имени Талиба никто не помнил. Он пришёл в Город живых в первую зиму, заросший до глаз чёрной бородой, и бороду так и не сбрил.

Колхоз дремал, положив голову на автомат. Он умел спать где угодно и в любом положении, и даже сквозь сон огрызался, если его задевали. До катастрофы он двадцать лет водил трактор в каком-то совхозе под Армавиром и до сих пор говорил про всё на свете так, будто это был трактор: «заводится», «глохнет», «надо подшаманить».

Салага не мог усидеть. Он вертел головой, ёрзал, пару раз пытался завести разговор - про прыгуна, про Туфлю, про то, что караванщики наверняка везли тушёнку и Мул, может, расщедрится, - и каждый раз натыкался на тишину. Наконец Топаз, не отрываясь от новой деревяшки, которую достал из кармана, сказал:

- Салага. Ты знаешь, почему у снайперов самая длинная жизнь?

- Почему?

- Потому что они молчат.

Салага подумал.

- Я не снайпер.

- Вот поэтому и подумай.

Глаз, не отрываясь от окна, издал какой-то звук. Хмен не сразу понял, что это был смех.

Салага насупился, но ненадолго. Через минуту он уже снова гладил большим пальцем три зарубки на прикладе, беззвучно шевеля губами. Хмен не стал спрашивать. Он и так знал, о чём Салага сейчас думает: о четвёртой.

Гора вёл машину, не отрывая взгляда от дороги. Он вёл так же, как делал всё, - медленно с виду и очень быстро по сути. Ни одного лишнего движения. Огромные руки лежали на руле спокойно, будто машина сама знала дорогу, а он только не мешал.

Хмен сидел рядом с ним и смотрел, как за стеклом проплывают деревья. Ремни бронежилета, застёгнутые Белкиными руками, чуть давили в боку. В кармане разгрузки лежала её ампула. «Вернёшь». Он подумал о пирожках с капустой. О полкило настоящей муки. О том, что она сейчас, наверное, не пошла спать, а сидит на его кровати в его тельняшке и смотрит в окно.

За стеной мир кончался быстро. Километр - и огороды Палыча сменились бурьяном в человеческий рост. Ещё километр - первая брошенная деревня. Хмен знал её наизусть: двенадцать домов, магазин с выбитой витриной, синяя остановка с облупившейся надписью «Красный Пахарь». На крыльце крайнего дома всё ещё стоял детский велосипед, ржавый, без цепи. Он стоял там четыре года. Хмен каждый раз думал, что надо бы его убрать, и каждый раз не убирал. Как будто кто-то мог за ним вернуться.

Дальше дорога шла через поле, и посреди поля тянулась полоса. Широкая, метров двадцать, ровная, как будто прошёл гигантский каток: трава вбита в землю, кусты переломаны, от столба линии электропередачи остался обломок по пояс. Орда. Полоса была старая, прошлогодняя, трава уже начала подниматься, но всё равно было видно, откуда пришли и куда ушли. Колхоз, не открывая глаз, сказал: «Как комбайн прошёл». Больше никто ничего не сказал.

На развилке у сгоревшей заправки Гора сбросил скорость. Направо уходила старая асфальтовая дорога, заросшая так, что асфальт угадывался только по ровности. Над поворотом висел погнутый указатель. Буквы облезли, но Хмен и так знал, что там было написано: «Д/л „Звёздочка“ - 7 км».

Он смотрел на этот поворот, пока тот не уплыл назад. Маленькая фигурка у качелей. Метнулась и пропала. Сигнал, который кто-то заглушил.

- Потом, - сказал Гора, не оборачиваясь.

Хмен даже не удивился. Гора всегда знал, куда он смотрит.

- Потом, - согласился Хмен.

Ещё через пять километров дорога нырнула к реке. Моста не было - вернее, был, но только половина: бетонные опоры, две секции пролёта, а дальше обломанная арматура, тор-

чащая над водой, как рёбра. Гора свернул на брод, который они сами когда-то разведали и отметили вешками.

Хмен смотрел на мост. На вторую опору, справа. Два года назад там стоял Женя Мухин, двадцать лет, весёлый, рыжий, пришёл в ГБР за полгода до Салаги и точно так же рвался всем всё доказать. Они тогда возвращались с рейда, и Женя вызвался проверить мост, и Хмен разрешил. Хмен до сих пор не знал, откуда взялся тот псих - то ли сидел под опорой, то ли вылез из воды. Женя успел выстрелить один раз.

Домой они тогда вернулись вшестером. Хмен пересчитал их у ворот - раз, другой, третий, - и каждый раз выходило шесть. С тех пор он считал всегда. Перед выходом, на привале, в машине, у ворот. Привычка, от которой он не хотел избавляться.

Он обернулся и посмотрел на Салагу. Тот как раз что-то шептал Топазу, и Топаз качал головой, не отрываясь от деревяшки.

Семеро.

Рация на поясе зашипела.

- ГБР, ГБР, здесь Лёха. Приём.

Хмен снял рацию с пояса.

- ГБР на связи. Что у тебя?

- Мул молчит, - голос у Лёхи был ровный, но Хмен слышал, каких усилий ему это стоит. - Час двадцать уже. Я на всех частотах сижу. Ни караван, ни «Явка». Только помехи. Но помехи… странные, командир. Не как обычно. Как будто кто-то на соседней частоте сидит и молчит. Я не знаю, как объяснить.

Хмен вспомнил квадрик. «Сигнал заглушили».

- Понял тебя, Лёха. Продолжай вызывать. Если Мул выйдет - сразу нам.

- Есть. - Лёха помолчал. - Командир. Вы там… аккуратнее, ладно?

- Ладно, - сказал Хмен.

Он повесил рацию обратно. В машине было тихо. Даже Салага замолчал. Все слышали.

«Как будто кто-то на соседней частоте сидит и молчит».

Хмен откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Просто чтобы подумать.

Он не заметил, как задремал.

* * *

Море. Солнце. Песок, который обжигает пятки, но это приятная боль.

Он сидит на берегу в компании знакомых лиц. Вот Витёк - смеётся, запрокинув голову. Вот Саня - режет арбуз огромным ножом. Вот Костян - показывает карточный фокус, и все ржут, потому что фокус не получается.

Они отдыхают. Они живы. Они счастливы.

Картинка дёргается.

Теперь он стоит в раздевалке. Пахнет хлоркой и потом. На скамейках лежат тела. Все те, кто только что смеялся на пляже, теперь неподвижны. Кровь заливает пол, стекает по скамейкам, капает с потолка.

Хмен смотрит на свои руки. Они по локоть в крови.

Одно из тел шевелится. Витёк поднимает голову. Лицо у него разбито, глаз заплыл, но второй смотрит прямо на Хмена.

- За что ты нас убил? - спрашивает Витёк.

Голос у него тихий, но слышно каждое слово.

- За что?

* * *

- Хмен! Хмен, твою мать, проснись!

Гора тряс его за плечо. Хмен открыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбилось, лоб покрылся холодным потом.

- Ну ты даёшь, - Гора смотрел на него с уважением и лёгкой тревогой. - Сел и через минуту спишь. Как ты это делаешь?

Хмен проморгался, прогоняя остатки сна.

- Приехали? - спросил он, хотя голос ещё не восстановился.

Гора не ответил сразу. Он посмотрел на Хмена - на мокрый лоб, на руки, которые всё ещё сжимали автомат так, что побелели пальцы, - и ничего не спросил. Он никогда не спрашивал. Четыре года они делили один окоп, одну стену, одну машину, и за четыре года Гора ни разу не спросил, что Хмену снится. Он просто отцепил от пояса флягу, открутил крышку и протянул.

Хмен взял. Вода была тёплая, с привкусом железа. Он выпил половину, и руки наконец разжались.

- Почти, - сказал Гора, забирая флягу обратно. - Дальше пешком. Машина не пройдёт, только в объезд, но пешком сэкономим минимум часа три.

Он сказал это так же спокойно, как всегда, и Хмен был ему благодарен за это спокойствие больше, чем за воду. Гора был старше всех в группе, сорок пять, и, кажется, видел в жизни всё, что можно увидеть. Про своё прошлое он не рассказывал, как Хмен не рассказывал про своё. Может, поэтому они и понимали друг друга без слов. У каждого в кармане лежало что-то, о чём не говорят.

Хмен кивнул, прогоняя последние тени кошмара. Он вышел из машины, оглядел своих бойцов.

Семеро. Салага с его тремя зарубками. Топаз с деревянным бойцом без лица в нагрудном кармане. Талиб с шестью швами на плече. Колхоз, ещё не до конца проснувшийся. Глаз, уже смотревший в лес так, будто видел сквозь деревья. Гора с флягой.

Хмен снова всех пересчитал.

- ГБР, спешиться. Дальше пешком. Боевое построение, интервал три метра, сектора контроля - каждый свой.

Бойцы зашевелились, разбирая оружие, занимая позиции. Хмен глубоко вздохнул, прогоняя из головы голос Витька.

За что ты нас убил?

- Выдвигаемся, - сказал он.

Глава 5. Засада на караван

Дорога петляла между холмами, и с каждым километром лес становился всё гуще, всё темнее, всё неуютнее. Код красный висел в машине, как запах гари: его уже никто не замечал, но все чувствовали напряжение. Мул молчал, водитель молчал, Лиза молчала. Сыч дремал, привалившись к двери, - или делал вид, что дремлет: в зеркале Мул видел, как из-под капюшона поблёскивает открытый глаз. Только Медик иногда шелестел своей сумкой, и этот звук раздражал сильнее, чем любой шум.

- Хватит уже, - бросил Мул, не оборачиваясь.

Медик замер, потом аккуратно закрыл сумку и уставился в окно. Вид у него был обиженный, но спорить с Мулом не рисковал никто и никогда.

- Мул, - подала голос Лиза. - Может, к Вальдемару заедем?

Водитель покосился на Мула и ничего не сказал. Сыч открыл второй глаз.

- Код красный, - напомнил Мул.

Правило было простое, и придумал его он сам: на коде красном караван не останавливается. Никогда. Ни чтобы отлить, ни чтобы подобрать отставшего, ни чтобы сменить пробитое колесо: на пробитом едут до тех пор, пока едется. Три года Мул вбивал это в людей, и за три года встал только один водитель. Он так и остался на той обочине, вместе с машиной.

- Знаю, - сказала Лиза. - Традиция. Сами знаете, суеверные они все. Понимаю, что глупость, но спокойнее как-то на душе становится. Минута, Мул. Мы мимо него ни разу не проезжали.

- Вальдемар обидится, - хрипло сказал Сыч, не меняя позы.

Говорил он редко, и потому его слушали. И объяснять ничего не пришлось: в машине все знали, о чём он. Скелет на остановке прозвали Вальдемаром ещё первые караваны, в первую весну, и с тех пор каждый, кто ехал мимо, спрашивал у него дорогу. Сидит, автобус ждёт, вежливый - подскажет. Борода на вторую зиму не спросил. Торопился.

Больше Бороду никто не видел. Три машины и двенадцать человек - даже тел не нашли.

Мул хмыкнул. Он не верил в приметы, но в людей верил. А люди, которые идут за ним, верят в приметы. И если сейчас, на коде красном, проехать мимо, то каждый на каждом пикапе до самой Магны будет думать не о дороге, а о Бороде. Испуганный стрелок хуже суеверного.

Значит, надо.

Он нарушал собственное правило впервые за три года и знал это.

- Головная машина, - нажал он кнопку рации. - Остановка у Вальдемара. Одна минута. Моторы не глушить, стволы наружу, с машин никому не сходить.

По рации прокатился одобрительный гул. Даже сквозь треск было слышно, как оживились бойцы.

Остановка возникла из ниоткуда - не та, у которой подобрали Сыча, а другая, старая, полуразрушенная, с проржавевшим навесом и скамейкой, на которой кто-то когда-то нацарапал нецензурное слово. На скамейке сидел скелет.

Он был одет в истлевшую куртку, на голове - съехавшая набок кепка, в руках - пустая бутылка. Кости пожелтели, но поза осталась человеческой: нога на ногу, спина прямая, будто он всё ещё ждал автобус. У его ног лежала горка патронов - сотни, позеленевшие, вперемешку с сигаретами и конфетами. Их никто не брал. Даже в самую голодную зиму.

Мул вышел из машины с автоматом на изготовку, послушал лес. Лес молчал. Он подошёл к скелету, присел на корточки. Караванщики наблюдали за ним из машин - кто с улыбкой, кто с серьёзным лицом, но все с надеждой.

- Мил человек, - сказал Мул громко, чтобы слышали все. - На Магну правильно едем?

Скелет, естественно, молчал. Ветер шевелил его лохмотья, и казалось - кивает.

- Точно? - Мул усмехнулся. - Спасибо, уважил. Продолжить движение.

Он достал из кармана патрон, положил к ногам скелета, развернулся и пошёл обратно.

На багги Пятак подкинул свою монету. Поймал, шлёпнул на запястье, глянул и тут же накрыл ладонью.

- Что выпало? - крикнули ему с пикапа.

- Не скажу, - ухмыльнулся Пятак и сунул монету в нагрудный карман. - Сглазишь.

Караван тронулся. На лицах бойцов появились улыбки - кто-то даже засвистел что-то весёлое. Но оружие никто не убрал.

- Теперь я спокойна, - выдохнула Лиза, откидываясь на сиденье.

Мул хмыкнул:

- Они, говоришь, суеверные…

Сыч снова закрыл глаза. Один.

Мул смотрел через лобовое стекло на багги впереди, на спину Пятака над пулемётом. Что тот загадывает на своей монете, не знал никто. В караване говорили разное: кто - что на удачу, кто - что монета от отца и больше от него ничего не осталось. Мул не спрашивал. О чём молится пулемётчик - не его дело. Его дело - чтобы пулемётчик стрелял.

Спокойствие кончилось через полчаса.

Лес кончился тоже. Вместо него по обе стороны дороги потянулись поля - высокие, заросшие бурьяном в человеческий рост. Трава шелестела под ветром, и в этом шелесте чудились шаги. Асфальт здесь сохранился лучше, чем в лесу, и караван пошёл быстрее.

- Мул, - голос головной машины в рации звучал напряжённо. - Тут что-то не так. Слишком тихо. И нет птиц. Они обычно от гула мотора, того…

Сыч сел прямо. Он смотрел не на дорогу, а в бурьян, и вид у него был такой, будто он уже видел это поле. Три дня назад, из кустов.

- Шеф, - сказал он тихо. - Трава не туда лежит.

Мул всмотрелся. Ветер дул слева, и весь бурьян клонился вправо. Весь, кроме длинных тёмных полос вдоль дороги, где трава стояла смятая, придавленная, будто в ней кто-то лежал.

Багги шёл ровно, Пятак крутил головой, но руки его лежали на рукоятях.

- Вижу, - ответил Мул. - Всем приготовиться.

Он не успел договорить.

Трава взорвалась движением.

Психи вылетали из неё со всех сторон - десятки, сотни? Мул не успел сосчитать. Они прыгали, бежали, ползли, катились кубарем, и все они смеялись. Этот смех накрыл караван, как волна - истеричный, многоголосый, безумный.

- Контакт! - заорал кто-то в рации. - Со всех сторон, мать вашу, со всех сторон!

Пулемёт на багги заговорил первым. Пятак бил длинными, не скупясь - впервые за все ходки Мул не сказал бы ему ни слова про патроны. Очередь хлестнула по толпе, срезала первых, но на их место тут же выскочили новые. Психи неслись на машины, не обращая внимания на потери.

- Огонь! Скорость на максимум! - Мул выхватил автомат и высунулся в окно. - Все огонь!

Караван превратился в огненного ежа. Из каждой машины били стволы, трассеры прошивали воздух, психи падали, но вставали и снова бежали.

Один добежал до багги.

Мул видел это, словно в замедленном кино. Тощий, в остатках школьной формы, он прыгнул с обочины на раму и вцепился Пятаку в шею. Пятак не выпустил пулемёт - так и держал рукояти, и последняя его очередь ушла в небо. Потом они вместе перевалились через борт и упали под колёса. Багги подпрыгнул, как на кочке, вильнул и встал поперёк дороги.

Из нагрудного кармана Пятака вылетела монета. Она упала на асфальт ребром и покатилась - ровно, неторопливо, вдоль стёртой разделительной полосы. Мул смотрел на неё из окна «Тигра», пока её не накрыла чья-то босая нога.

- Багги потерян! - заорал водитель «Тигра», выкручивая руль, чтобы обойти его по обочине. - Багги потерян!

- Не останавливаться! - Мул стрелял, перезаряжался, снова стрелял. - Не останавливаться, твою мать!

Психи лезли на пикапы, их сбивали прикладами, сбрасывали, но они лезли снова. Один из грузовиков с бойницами загорелся - кто-то, видимо, уронил гранату, а может, просто не смог выкинуть её в окно, потому что сам превратился в живой клубок из тел.

- Это засада! - закричал Медик, вжимаясь в сиденье. - Это засада, Мул, это не орда!

Мул понял это раньше. Психи действовали не как толпа - они действовали как стая. Они отсекли головную машину, заходили с флангов, выдавливали караван с дороги в поле, где машины увязали в мягкой земле. Первый грузовик сполз задними колёсами в кювет, взревел, застрял - и на него тут же залезло с десяток тел. Антибиотики, бинты, три ящика физраствора, - отсчитала какая-то часть его головы, которая всегда считала.

И тут же другая часть сказала: всё. До Магны тут уже никто не доедет.

- Всем! - Мул нажал кнопку рации, но пальцы соскользнули, и он нажал снова. - Всем прорываться к «Явке»! Бросайте машины, пешком к «Явке»! Повторяю, бросайте машины!

Он вывалился из «Тигра» на ходу, покатился по земле, вскочил, стреляя на бегу. Рядом бежали Лиза и Медик. Сыч выпрыгнул с другой стороны и рванул следом за ними, но между ним и лесом из бурьяна выкатилась новая волна - десятка два, стеной. Мул видел, как Сыч в упор сложил двоих передних, как понял, что не пробьётся, и свернул в сторону, в бурьян, паля на бегу и оря что-то без слов. Половина волны повернула за ним. Серый капюшон с ветками нырнул в траву, как в воду, и больше Мул его не видел. Сзади, прикрывая отход, били из автоматов те, кто ещё мог держать оружие.

Лес приближался. Ещё сто метров - и можно будет затеряться среди деревьев.

- Бегом! - Мул стрелял, не целясь, просто в сторону смеющейся тьмы. - Бегом, мать вашу!

Они влетели в лес, когда сзади раздался взрыв. Мул обернулся - второй грузовик встал факелом, и вокруг него плясали тени. Кабель, генераторные секции, заказ сектантов, за который заплатили бы больше, чем он просил, - горели чёрным дымом.

- Сколько нас? - спросил он, падая на колено и меняя магазин.

Лиза пересчитала.

- Пятнадцать… может, больше. Я не видела, кто выскочил. - Она оглянулась ещё раз, и что-то в её лице дрогнуло. - Сыча нет.

Мул посмотрел назад, на поле. Над бурьяном стоял дым, в бурьяне смеялись.

- Сыч их от нас увёл, - сказал он. - А в траве он как дома. Выберется.

Он сам не знал, верит ли в это. Но сейчас надо было верить.

- Рацию.

Лиза сдёрнула с плеча походную станцию - тяжёлую, в поцарапанном зелёном корпусе, с голубым огоньком питания сбоку. До Города живых она добивала только с холма или при хорошей погоде, и Мул держал её на случай, который, как он думал, не наступит никогда.

Он выкрутил нужную частоту, нажал кнопку и вдруг поймал себя на том, что думает, как сказать. Слова были товаром, как и всё остальное. Скажешь «орда» - и в Городе решат, что спасать некого. Скажешь «засада психов» - решат, что Мул напился.

- Караван - Городу живых. Караван - Городу живых. Мул на связи. Приём.

Шипение. Треск. И вдруг - мальчишеский, срывающийся голос:

- Мул, принимаем отлично! Что у вас случилось? Тут руководство, докладывайте!

Руководство. Значит, ПэЖэ стоит рядом с радистом, и лицо у него, как всегда, такое, будто он заранее не верит ни одному слову. Мул сглотнул.

- Караван уничтожен. Нарвались на засаду психов. Это не орда, это именно засада. И я трезв.

Лиза покосилась на него. Он не обратил внимания.

- Транспорта больше нет. Мы в составе пятнадцати человек движемся в сторону «Явки». Просим…

Слева затрещали ветки.

Они вышли из подлеска плотно, плечом к плечу, и Мул вдруг понял, что они не бежали за караваном через поле. Они обошли по кромке. Заранее. Туда, куда люди побегут.

Бойцы на левом фланге всё ещё смотрели в поле.

- Волна! - заорал Мул уже не в рацию, а куда-то в сторону. - Левый фланг, мать вашу, левый фланг проморгали!

Лес взорвался выстрелами. Двоих крайних смяло сразу, они даже не обернулись. Мул стрелял одной рукой, другой прижимая к груди рацию, и кричал в неё, пока ещё мог:

- Выдвигаемся к «Явке»! Нас уже точно не пятнадцать! Ребята, выручайте, нам…

Кто-то справа сорвал чеку и швырнул гранату в самую гущу. Слишком близко.

Взрыв ударил в уши и в грудь одновременно. Мула бросило спиной на корни, рация вылетела из рук. Когда он нащупал её в прелой хвое, корпус был расколот пополам, а голубой огонёк погас.

И тишина - та, что бывает после взрыва, ватная, со звоном. В ней кто-то кричал без звука, кто-то без звука стрелял, и Лиза, наклонившись над ним, без звука шевелила губами.

Он отшвырнул обломки рации и поднялся.

- Досчитаем потом, - сказал он, не слыша собственного голоса. - К «Явке». Быстро.

Они побежали дальше.

Лес кончился так же внезапно, как начался. Перед ними открылась поляна, а на поляне - старый дом, наполовину вросший в землю. Бункер «Явка».

Явок на маршрутах было шесть, и самую первую Мул обустраивал сам, своими руками: стальная дверь со старого банковского хранилища, бойницы вместо окон, запас воды, еды и патронов. Правило тут тоже было его: взял - верни. И не бери больше, чем надо. Караванщики, торговцы, случайные бродяги - все знали про явки, и все правило соблюдали, потому что каждый понимал: завтра придёт его очередь бежать сюда.

Мул поднял руку, останавливая группу. Тишина. Только тяжёлое дыхание и стук собственного сердца. Слух после взрыва вернулся не до конца, и всё звучало так, будто он слушает мир из-под воды.

- Вроде тихо, - шепнула Лиза.

Рядом с Мулом присел на корточки Буба, механик с запасного пикапа, - грузный, косолапый, с руками, чёрными от масла навсегда. Он смотрел не на дом, а себе под ноги. К двери бункера через всю поляну шли две колеи, примятые, ещё не затянутые травой.

- Свежая, - пробормотал Буба, ни к кому не обращаясь. - Колея-то свежая…

Его никто не услышал. Мул всматривался в дом.

- Что-то не так.

Из-за угла выбежал псих. Один. Он заметался по поляне, будто что-то искал, потом замер, принюхался и повернул голову прямо на них.

- Твою… - начал Медик, но Мул уже стрелял.

Псих упал. И тут же из-за дома высыпали другие. Пятеро. Десять. Больше.

- Засада! - заорал кто-то из бойцов. - Здесь тоже засада!

Начался ад.

Они отбивались, отступая к дому. Психи лезли со всех сторон, их становилось всё больше, патроны таяли. Мул стрелял короткими и считал, сколько осталось в магазине, как считал всё на свете. Девять. Шесть. Два. Один боец упал, его добили тут же, на глазах у остальных. Второй закричал и пропал под кучей тел.

- Дверь! - Мул ткнул стволом в сторону входа. - Медик, дверь!

Медик бросился к дому, навалился на тяжёлую металлическую дверь, заскрежетал засовом.

- Открывай! - Лиза стреляла, не давая психам приблизиться. - Открывай быстрее!

Дверь поддалась. Медик ввалился внутрь, за ним Буба, за ним Лиза, за ней Мул. Последним бежал парень - кажется, Крот. Мул так и не запомнил его имени.

Крот не добежал.

Он споткнулся посреди поляны, метрах в тридцати от двери, и на него тут же навалилась куча. Крот ещё стрелял - из-под смеющихся морд хлестали короткие очереди, - когда из-за дома вышел силач.

На голову выше остальных, с плечами в дверной проём, с мышцами, которые распёрли тело буграми так, что кожа на плечах когда-то лопнула и заросла рубцами. Силачи от орды никогда далеко не уходили - это знал каждый караванщик. Этот ушёл. Он врезался в кучу и стал расшвыривать психов, как тряпичные куклы, - одного, другого, третьего, пока на траве не остался один Крот. Живой. Без автомата. Он пополз к двери на локтях, и Мул, держась за край стальной створки, считал метры, которые ему осталось проползти. Но метров было слишком много.

Мул вскинул автомат, поймал в прицел рубцованную спину и нажал на спуск. Сухой щелчок. Он нажал снова, зная, что зря, - последние два патрона он выпустил ещё у угла дома. За спиной лязгнул затвор - Лиза молча отстегнула пустой магазин и показала ему. Медик даже не поднял свой. Стрелять было нечем.

Силач не спешил. Он два шага шёл рядом с ползущим, как идут рядом с собакой. Потом остановился, поставил босую ступню Кроту на затылок и поднял голову.

Он смотрел на Мула. Не на дверь, не на синий свет внутри - на него. Через всю поляну, спокойно и внимательно. И в этом взгляде не было смеха.

Не отводя глаз, он перенёс на эту ногу весь свой вес.

Мул не услышал звука. Он только видел, как дёрнулись и затихли пальцы Крота в траве. А Силач продолжал смотреть. Так смотрят, когда хотят, чтобы ты понял: следующий - ты.

Мул захлопнул дверь.

Тишина.

После дневного света в бункере показалось темно, пахло сыростью. Потом глаза привыкли: под потолком горели две лампы с голубыми камнями - горели всегда, днём и ночью, с того дня, как Мул сам их тут повесил, - и бункер был залит ровным холодным светом, как больница. Четверо: Мул, Лиза, Медик и Буба. Буба сидел на полу, трясясь крупной дрожью, и смотрел в одну точку.

Снаружи смеялись. Стучали в дверь. Скребли.

- Мул, - Лиза прислонилась к стене и сползла по ней. - Мул, что это было?

Мул не ответил. Он стоял у двери, слушая, как с той стороны силач долбит в металл кулаками. Размеренно, как по часам.

- Они нас ждали, - сказал он наконец. - Там, на поле, это была засада. Не орда - засада.

- Не может быть. - Медик трясущимися руками открыл сумку, достал шприц, всадил себе что-то в руку. - Они не могут… у них нет мозгов…

- У этих есть. - Мул кивнул на дверь. - Тут то же самое. Они ждали нас. Ну или не нас - но знали, что сюда придут люди, и ждали.

Буба заскулил.

- Мы сдохнем, - забормотал он. - Мы все тут сдохнем, точно говорю, сдохнем…

- Буба. - Мул подошёл к нему, наклонился. - Заткнись. Слышишь? Заткнись, или я тебе помогу.

Буба заткнулся, но дрожь не прошла.

- Что будем делать? - Лиза поднялась, подошла к стеллажам, начала шарить по ящикам. - Патроны… где патроны? Здесь всегда есть запас!

Она открывала ящик за ящиком. Пусто. Пусто. Пусто. В синем свете было видно, что в пыли на полках остались чистые прямоугольники - там, где цинки стояли ещё недавно. Очень недавно. Пыль так и не успела лечь.

- Нет патронов, - её голос дрогнул. - Совсем нет. Кто-то забрал. Всё до последнего патрона.

- На машине забирали, - вдруг сказал Буба с пола.

Все обернулись. Буба смотрел всё туда же, в одну точку, но голос у него вдруг стал обычным - голосом человека, который говорит про то, что знает.

- Там колея через поляну. Вчерашняя, может, позавчерашняя. Тяжёлая машина, гружёная. И резина не наша. У нас в караване такой нет, и в Городе нет, я всю их резину знаю. Протектор ёлкой, а по краю - шашки. И на левом заднем шип выдран, каждый оборот метка…

Он замолчал, как будто сам испугался, что столько сказал.

Мул долго смотрел на него.

- Запомни, - сказал он. - Всё запомни. Резину, шип, всё. Я этих тварей найду.

Он сказал это тихо, без злости, и от этого стало только страшнее. Взял - верни. И не бери больше, чем надо. Это правило Мул придумал сам и сам вбил в головы всем, кто ездил по этим дорогам, - караванщикам, торгашам, бродягам. За три года его не нарушил никто. Не потому, что боялись Мула, а потому, что каждый знал: эти патроны когда-нибудь спасут чью-то жизнь. Сегодня они должны были спасти его. И Крота. Кто-то приехал сюда на гружёной машине, выгреб всё до последнего цинка и уехал. Для Мула это было не воровство. Это было личное.

На полке в углу стояла стационарная рация явки - старая, но с ней можно было добить до Города с любой погодой. Мул включил её, дождался, пока разгорится голубой огонёк, и вызвал Город. Потом ещё раз. Потом прошёлся по всем частотам, какие знал.

Рация шипела. Не так, как шипит пустой эфир, - иначе, ровно и плотно, будто кто-то далеко нажал кнопку и держит её, и молчит. На каждой частоте. Мул слушал это молчание дольше, чем стоило. Потом выключил.

В голове, как всегда, сама собой началась бухгалтерия. Багги - списать. «Тигр» - списать. Второй грузовик с заказом сектантов - списать, сгорел. Первый, с медикаментами для Города, не сгорел: стоит в кювете на поле, и в нём антибиотики, которые ПэЖэ так ждал. Груз цел. Достать нельзя. Какая это статья - актив или убыток, - Мул не знал.

Потом люди. Пятак. Водитель «Тигра» - он так и не вышел из машины. Сыч - не списать, рано. Двое на левом фланге. Парень с гранатой. Крот.

Кажется, Крот.

Мул вдруг понял, что может назвать на память всё, что лежало в каждом грузовике, до ящика физраствора. А имена людей, которые грузовики вели, - не может. Он положил эту мысль туда же, куда клал все неудобные мысли, - на потом. Он знал, что до неё ещё дойдёт очередь.

Где взять новый грузовик, новые патроны, новые медикаменты, он знал. Это было на флешке - латунном патроне семь шестьдесят два, который четвёртый год висел у него на шее, на шнурке, под рубашкой. Единственный патрон в регионе, который не стрелял, и самый дорогой из всех. Мул не снимал его, даже когда спал.

Там были склады. Сначала - свои: сто сорок магазинов сети и все распределительные центры, с остатками на последний день до коробки. Потом - чужие. Базы всех сетей региона, боль-

ших и маленьких, которые он годами скупал за деньги, о которых не рассказывал даже Лизе. Тогда это была просто привычка дельца: кто знает чужие склады, тот выигрывает любой торг. А потом - то, что в мирное время стоило бы ему свободы: военные склады, склады техники, электроники, химии. Продукты, медикаменты, оружие, машины, запчасти, топливо. Адреса, номера ячеек, остатки на последний день и поставки, пришедшие за неделю до того, как всё кончилось.

Мир кончился, а склады остались. Большинство людей не знало, где они. Мул знал. Поэтому по дорогам ходили его караваны, а не чьи-то. Поэтому все были ему должны. И поэтому он мог позволить себе правила - код красный, явки, «взял - верни»: тот, кто знает, где лежит всё, может диктовать, как этим всем пользоваться.

Где взять новых людей, в патроне не было.

Потом потянулось время.

Силач долбил в дверь с равнодушием маятника - удар, пауза, удар, - и ко второй сотне ударов Мул перестал считать. Снаружи пересмеивались.

Медика отпустило. Он сидел, привалившись к стеллажу, с лицом человека, который читает лекцию пустой аудитории, и действительно читал её - тихо, рассудительно, не для кого-то.

- Муравьи, - сказал он потолку. - Один муравей дурак. Просто дурак, сто нейронов. А муравейник строит вентиляцию. Ведёт войны. Пасёт тлей. Никто не знает, где в муравейнике сидит ум. Может, нигде. А может… - он поднял палец, будто сейчас скажет самое важное, и забыл, что. - Может…

- Спи, доцент, - сказала Лиза.

Медик послушно закрыл глаза. Буба в своём углу качался вперёд-назад, обхватив колени, и что-то беззвучно считал губами - то ли удары в дверь, то ли шипы на той резине.

Лиза пересела ближе к Мулу. Они сидели плечом к плечу у стены, напротив двери, и смотрели, как при каждом ударе с петель сыплется ржавчина.

- Это я попросила, - сказала она тихо. - Про Вальдемара.

- Решал я.

- Решали вы, - согласилась Лиза. - Вы всегда решаете.

Она называла его на «вы» семь лет. Ещё с тех времён, когда он был Сергеем Глицким, сто сорок супермаркетов по стране, а она - его начальником службы безопасности, самым молодым в истории фирмы и самым неудобным. Мир кончился, фирма кончилась, а «вы» осталось.

- В тот день вы тоже сказали «одна минута», - сказала она. - Помните? Я стояла в дверях кабинета, внизу уже ломили стекло, а вы сидели и смотрели, как ползёт полоска на экране. И сказали: «Одна минута, Лиза».

- И докачал. Информация важнее всего! И она у нас теперь есть!

- Докачали. А из всей охраны до машины добежали двое. Я не спорю, - быстро добавила она. - У вас после той минуты всё получилось. Караваны, явки, все вам должны. Я просто думаю, что у таких минут есть цена. И платите её не вы.

Мул долго молчал. За дверью ударило, потом ещё.

- Запиши мне в долг, - сказал он наконец.

- У вас не бывает долгов, - сказала Лиза. - Вы же сами говорили: тот, кто ничего не должен, может позволить себе всё.

Она сказала это без укора, даже с чем-то похожим на нежность, и положила голову ему на плечо. Впервые за семь лет. Мул не шевельнулся, чтобы не спугнуть.

Вскоре Лиза заснула. Мул осторожно переложил её голову на свёрнутую куртку, поднялся и подошёл к бойнице.

Силач всё так же долбил в дверь кулаками - огромный, с руками, разбитыми в мясо, - и даже не смотрел, куда бьёт. Остальные толклись на поляне, пересмеивались.

Мул перевёл взгляд дальше - и замер.

На краю леса, в тени, кто-то стоял. Не бежал, не смеялся, не лез к двери. Просто стоял и смотрел - на Силача, на дверь, на бойницу. Роста обычного, худой - и голова. Голова была неправильная: слишком большая для этих плеч, тяжёлая, как перезрелый плод на тонкой ножке.

Сколько он так стоял, Мул не знал. Потом тот чуть наклонил свою огромную голову набок - так наклоняют голову, когда прислушиваются, - повернулся и ушёл в лес. Не убежал. Ушёл.

Через минуту стук за дверью оборвался. Мул смотрел, как Силач отходит от двери - тяжело, вразвалку - и бредёт к лесу. Туда же, где только что стоял тот.

Мул вернулся к стене и сел. Про того, на краю леса, он ничего не сказал. Не знал, какими словами.

Стало тихо. В этой тишине проснулась Лиза, заворочался Медик, даже Буба перестал качаться.

- Еда есть, - сказал Мул в тишину. - Воды полно. Будем ждать.

- Чего ждать? - Медик открыл глаза и посмотрел на него мутным, плывущим взглядом. Зрачки у него были с булавочную головку.

- Город живых знает, где мы. Они пришлют группу.

- А если не пришлют?

Мул посмотрел на Медика.

- Еды тут недели на две, а если экономить, и того больше. Дождёмся. Не успеем всё съесть.

В дверь снова ударили. Сильнее. Металл прогнулся. Мул рванул к бойнице.

На улице стоял Силач. Он держал бревно - старую берёзу, вывороченную с корнем, - отступил на три шага и как тараном ударил снова. Дверь выдержала бы любой удар живого существа, но не осадной машины.

Все уставились на дверь.

- Похоже, и правда не успеем всё съесть, - Медик наконец отложил в сторону свою сумку, которую не выпускал из рук практически никогда.

- Готовьте холодняк, - сказал Мул. - В закрытом пространстве они не навалятся кучей. Встретим как полагается.

Буба, всё ещё трясясь, подполз к своему рюкзаку, покопался в нём и молча протянул Мулу монтировку.

Лиза усмехнулась.

- А я бы всё же поела…

В дверь ещё раз впечаталось бревно.

Мышка. Первая неделя

На третий день рука стала горячей.

Сначала только вокруг бинта. Мышка трогала её здоровой рукой, тыльной стороной, долго, как мама трогала лоб, когда Мышка болела. Горячо. А потом горячо стало везде. Лампа под потолком двоилась, пол качался, как в лодке, и всё время хотелось пить, а вода в кружке была невкусная, железная.

Ночью ей приснилось, что Тёма стоит за дверью и просит открыть, а она бегает по бункеру и не может найти дверь. Она проснулась мокрая и долго не понимала, где она. Голубой свет. Ящики. Папин домик.

Если что-то болит, надо понять, что именно, и сделать с этим что-нибудь.

Болело всё. Значит, надо было что-то делать со всем.

Аптечку она уже знала наизусть: белая баночка, коричневая, бинт, таблетки от зуба. Таблетки от зуба не помогали. Она пила их вчера и позавчера, а жар никуда не ушёл.

Под нижней койкой стоял железный ящик. Мышка видела его и раньше, но он был тяжёлый, и она думала, что там патроны. Теперь она выволокла его на середину комнаты, держась за край койки, чтобы не упасть, и откинула крышку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.